

Виноградов В.В.

Детективные истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Владимирович Виноградов

Детективные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73089893

SelfPub; 2026

Аннотация

Комические, драматические, иногда трагические события, происшедшие при пассивном, а порой при активном участии пенсионера.

Все события и имена действующих лиц практически полностью придуманы автором; географические названия места действия описаны с натуры. Если обнаружатся совпадения имён, фамилий – то это чистая случайность.

Данное произведение посвящается незабвенной Елене Павловне, моей супруге и приурочено к её 60-летию.

Содержание

Часть 1. Подмена	4
Часть 2. Дела подводные	30
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Виктор Виноградов

Детективные истории

Часть 1. Подмена

Вот уже девятый год пенсионерствую, надоело это дело с самых первых дней. Все эти годы всё дёргался – пытался внедрить свои изобретения, да не получается – нет инвестора, который бы поверил в меня, в то, что я дело доведу до производства, а продукция будет востребована. Приезжали ко мне разные люди и уезжали без оформления договоров. И вот уже второй год совсем нет заинтересованных.

И тут, откуда ни возьмись, подъезжает к дому «Ауди» с московским номером. В машине два человека. Привычно засекаю век 21, год – 1986-й, время года – начало октября, время суточное – около полудня. Я как раз во дворе занимался своими делами.

Из авто вышел пассажир, а водитель не выходит. Пассажир среднего роста, плотного телосложения, с бледным кабинетным лицом подходит к калитке:

– Вы такой-то, называет фамилию-имя-отчество.

– Верно.

– Можно с вами поговорить?

– Если представитесь и назовёте предмет обсуждения, то

почему бы и не поговорить.

– Называйте меня Иван Петрович, я из очень известной государственной фирмы. Вы о её существовании знаете, надеюсь. Слышали когда-нибудь абривиатуру ФСБ? – Это он сказал, находясь по другую сторону калитки.

После таких слов я открыл дверь и впустил его.

– Я говорю открыто, – продолжает он, – так как знаю, что здесь у вас сейчас никого посторонних нет. Но прежде, чем дальше беседовать, вы распишетесь в официальном документе, что о нашем разговоре вы никому, никогда ни слова не скажете. В течение десяти лет.

– Ну, вы меня заинтриговали. Давайте ваш документ на подпись.

Он достал из внутреннего кармана куртки сложенную пополам расписку «о неразглашении». Документ был коротенький, я прочитал и расписался ручкой, которую он мне дал.

– Дело вот в чём, – мы присели под навесом на скамейку, – нам нужен на непродолжительное время человек, который был бы похож на вас. Вот вы похожи на себя самого. И, кроме того, человек должен хорошо разбираться в материаловедении – высокопрочные стали, твёрдые сплавы, износостойкие покрытия. Вы, как нам известно, специалист именно в этих вопросах. Вы ещё не забыли свою специальность?

– Вполне. На уровне десятилетней давности.

– Ничего, если мы договоримся, то вас проинформируют о последних достижениях.

– Это ещё более интересно. Но, всё-таки, я думаю, что я нужен не здесь в деревне, а где-то в другом месте. Где, когда и на сколько дней мне нужно будет отлучиться от своего хозяйства?

– Вам придётся поехать в Германию в качестве частного туриста, но там Вы будете на выставке представлять один из стендов. Вы замените там одного человека. Вас подготовят, вам выдадут нужную одежду. Вам вставят зубы, чтобы вы выглядели презентабельно. Вас поднатаскают в немецком языке, вы ведь забыли его. Специфические термины и прочее. Но «прозит» – то вы ещё не забыли? (шутник, оказывается этот ФСБ-эшник). Пригодится и «прозит», – осаждает он меня.

– Ещё раз подчёркиваю – всё, что я сейчас говорю, всё это не подлежит огласке. Ни с кем. Поездка – да, вы ездили туристом, случайно побывали на выставке. И всё. Далее. Вы поедете отдельно от делегации на два дня раньше, для адаптации, а когда приедет основная группа, вы вольётесь в коллектив. Коллектив этот разношёрстный, друг друга не знают, так как из разных институтов, предприятий. Подмену никто из них не заметит. – Вы практически одинаково выглядите с тем человеком. Но того человека вы не увидите. В день отъезда вы снова отойдёте от коллектива (вам скажут, когда и куда), а потом через два-три дня уедете поездом. Пока вот только это я могу вам сказать. Да, ещё – поездка намечена на первые числа декабря на шесть дней. Выставка продлится

шесть дней. Но готовиться вам нужно будет две недели. Поэтому выезд из дома в Москву примерно десятого ноября. Думайте сейчас, решайтесь или не решайтесь.

– На первый взгляд это увеселительная прогулка. Так как я не знаю, что там надо представлять, какие речи вести. Я думаю – меня хорошо проинформируют. Научат. Труднее будет с немецким языком. А так, в принципе, я согласен.

– Если у вас сложности с языком, то в случае вашего согласия, я предложу руководству вызвать вас на месяц раньше – двадцатого октября. Хуже не будет – только дополнительные финансовые расходы для нас. Но это тоже мелочи.

– Ну, что ж, я согласен.

– Мы вам позвоним через четыре дня (ваш телефон мы помним), вышлем экспресс-переводом сумму на билеты на самолёт из Анапы. Я вас встречу в Москве в аэропорту. – До встречи.

– До свидания в Москве.

Уехали. Закрыв калитку. Как будто никого здесь и не было сегодня. Как во сне эта встреча, разговор. Не успел даже предложить бутылочку собственного вина. А они не захотели даже взглянуть на мой сад-огород. Вот поэтому и не вспомнил о вине. Всё о деле, о деле.

Четыре дня медленно тянулись, так как я засиделся на месте и хотелось встряхнуться в путешествиях. Наконец звонок:

– Говорит Иван Петрович. Всё улажено. Завтра в банке

получите десять тысяч от «Иванова Ивана Петровича», а через три дня вылетайте рейсом 141 в 14:00.

– Я всё понял, готовлюсь.

– До встречи.

Через четыре дня самолёт приземлился в аэропорту «Домодедово». Летел я практически без вещей, с одной лёгкой сумочкой, в которой полотенце и туалетные принадлежности. Иван Петрович встретил в здании вокзала и сразу повёл на выход. Та же машина с водителем. Вскоре с широченной трассы свернули на узкую асфальтированную дорогу со знаком «проезд воспрещён» и километра через 3-4 оказались перед металлическими воротами и высоченным забором.

Иван Петрович вышел из машины, зашёл в сторожку и через минуту ворота открылись. Небольшой уютный городок с одноэтажными зданиями. Как я понял учебный центр особого назначения.

– Вот здесь вы и поживёте месяц перед отъездом. Здесь будете учиться языку и материаловедению. Жить будете вон в том здании, учёба – в этом справа, а столовая – за вашим домиком. Удобно – всё под рукой. Развлечений нет никаких – да и некогда будет. Единственно, что я вам рекомендую – это научиться водить современные машины. У вас, как нам известно, нет прав, а надо иметь. Иначе неудобно как-то. Без этого навыка нынче никак. Будет одна машина с автоматической коробкой передач и одна с ручным переключением. Научитесь – выдадим права.

Выдавая эту информацию, он вёл меня к жилому домику. Дверь была открыта; прихожая в шестнадцать квадратных метров и четыре двери. Моя комната справа первая. Размер – не более четырнадцати метров, с отдельными туалетом и ванной. Скромно, но всё, что нужно для житья: телевизор, компьютер, письменный стол, два стула, кресло, кровать, большой шкаф для белья и одежды.

– В этом домике вы будете жить один. После ухода на занятия в комнате уборку будут делать наши люди. На территории имеется магазин. Универсальный. Если чего-то нет – то заказывайте и на следующий день привезут. Книги, например, журналы научные или порнографические. Любые. – Прогулки, пробежки не возбраняются. В шкафу спортивная одежда и гражданская – на все случаи жизни. На дворе осень, а потом и зима будет. Где бегать-гулять вам покажут сразу после моего ухода. Будет человек, который будет курировать вашу жизнь здесь, пока вы не освоитесь. Он также будет обучать вас вождению. Завтра после завтрака пойдёте в медицинский корпус к стоматологу, потом начнёте заниматься языком и вождением. Сотовый телефон сдайте куратору. А вот и ваш куратор – знакомьтесь – Николай.

В комнату вошёл мужчина лет сорока в спортивной одежде.

– Будем знакомы, Николай. Как я понял, вас сейчас надо вести в столовую на ужин.

– На сегодня всё. Встретимся через два дня сразу после

обеда, принесу литературу по вашей специальности. Иван Николаевич ушёл.

– Переодевайтесь в цивильный, повседневный костюм. Туфли, брюки, нижнее бельё, рубашка, пуловер, куртка тёплая. Но сначала примите душ, а я тут телевизор посмотрю. Хоккей начинается.

Минут двадцать у меня ушло на всю процедуру с бритьём и мы пошли на ужин. Стемнело, на столбах зажглись фонари. В столовой был большой зал на пятнадцать-двадцать столов и ряд отдельных комнат с небольшими столиками на два человека. Мы зашли в одну из таких. На столе уже расставлены тарелки, вилки и два больших блюда, закрытые крышками. Из них соблазнительные запахи – узнаю жареную рыбу. Но рыбка-то не карась, не щука, а кета, по-видимому. Четыре больших стейка в одном блюде и картофель жареный – в другом. Салат из помидоров и огурцов. Кофейник. Всё, что должно быть горячим – то горячее.

– Не удивляйтесь – здесь вы не увидите ни одного лишнего человека – только своих преподавателей и кураторов. Заказывать дополнительные порции не принято. Хотя можно. Питание хорошее, разнообразное, можно даже под заказ, но это попозже, если подаваемое вас действительно не устраивает. Потом поймёте. Обычно всех всё устраивает. Больных и дистрофиков с вырезанными желудками здесь нет.

Вернулись под мелким морозящим дождём. – Отдыхайте. Двери не запираются на ключи, но никто посторонний и не

входит никогда. Ключей от вашего дома нет.

Ушёл. Скинув куртку, я включил телевизор. Все московские программы. В голову ничего не шло, смотреть ничего не захотел. Включил компьютер; в интернет он не подключен. Практически пустой. Для чего он мне – тоже не нужен. Время почти восемь вечера. Снова включил телевизор. Ага ..о здоровье... советы медиков..., а вот и детективчик предлагают. «С любовью к России». Посмотрю.

Утром встал, когда ещё не было семи часов. Не спеша сделал несколько упражнений, умылся. А когда идти на завтрак? Самому или ждать куратора?

Накаркал – он уже шагает по прихожей, стучится. Откликаюсь. Заходит всё в той же спортивной одежде. Сухой – дождя нет.

– Вы как? желаете пробежку-прогулку сделать или сразу на завтрак.

– Коль погода хорошая, то на пробежку. Если смогу.

– По самочувствию. 50-100 метров бегом, ходьба, снова бегом и через неделю вы будете уже километр без остановки бегать. Правда, в последнее время медики пожилым людям не советуют бегать – слишком большая нагрузка на суставы. Не к чему это. Поэтому я принёс вам мазь для суставов – супер. «Хонда» называется. Вы вотрёте в колени, стопы, в бедренные суставы и сегодня только пешком. Вечером, перед сном, снова натрётесь. И так по два раза в день в течение двух недель. Через три-четыре дня, если захотите то начнёте

бегать.

К восьми часам вернулись, я переоделся и он отвёл меня в столовую, а сам ушёл куда-то.

Перед уходом проинструктировал. Домой вернётесь самостоятельно, никуда в сторону от маршрута не отходить, а к десяти часам он подойдёт и поведёт к стоматологу.

Стоматолог: – как всё запущено. Работы много, на две недели. Но, бывало и хуже.

Ходил я к нему через день. Улыбка стала – хоть на выставку, хоть в журнал мод.

Сразу, после первого же посещения стоматолога, начались занятия по вождению. Машина была с ручным переключением скоростей – «Жигули» седьмой модели. Была стандартная площадка с набором упражнений. Была и нестандартная – с множеством различных перекрёстков, светофоров. Начали, естественно, со стандартной. Ездил сначала по 2 часа в день с перерывом по 5 минут через 30 минут езды, а когда научился уверенно выполнять все упражнения (через 6 дней), то перешли на вторую площадку и ездил по 3 часа без перерывов. Инструктор обещал выехать со мной в ближайший город (не в Москву) через две недели с начала обучения. Обещанный выезд состоялся в воскресный день, когда движение не столь сильное. Но всё равно, в первые два выезда возвращался с мокрой спиной. Натуральное (реальное) вождение по улицам это совсем не то, что движение без встречных и опережающих машин. А ещё непредсказуемые

пешеходы, кошки и собаки, но, особенно, дети. По улицам я накатал, примерно, двадцать часов и со слов инструктора, я готов самостоятельно водить. Мне выдали права категории «В». После этого я тренировался пять дней ездить на машине с автоматической коробкой передач – это немецкий «BMW». Освоил. «BMW» мне понравился больше.

В назначенное время Иван Петрович принёс безликую распечатку технических текстов на тридцати страницах. Некоторые листы были с грифом «Для служебного пользования», а большая часть – с грифом «Совершенно секретно».

– Вот, прочитайте. Это вам на три дня, а после прочтения к вам придёт человек знакомить с конкретными материалами по выставке. Завтра в десять утра начинаются занятия по немецкому языку.

Металловедческие тексты во многом были мне неизвестны, особенно, металлы для атомных реакторов, корабельные стали, броня для танков. Удивило использование обеднённого урана-238 в высокопрочных сталях, в износостойких покрытиях. Не ожидал.

Наконец приехал специалист из академического института Чёрных металлов (ЦНИИ Чермет) Владимир Никитович, привёз образцы сталей и покрытий на сталях.

– Это образцы броневой стали.

Я взял в руки пластину размером примерно 100x100x5 мм. Что меня удивило – это ощутимо большой вес при таком незначительном объёме.

– Надо полагать, что эта сталь легирована ураном. А сколько же в ней процентов этого урана?

– Точный состав говорить я не имею права. И на выставке вы тоже должны говорить обтекаемо. Следует говорить, что сплав содержит от 2 до 12 процентов вольфрама, а не урана. Механические свойства я вам расскажу, но опять таки – это будут заниженные цифры, чтобы не пугать западных специалистов.

– А зачем же тогда вообще представлять их?

– Нам нужны заказчики на такую сталь. На готовые изделия – на танки, на бронемашину. Нам нужна валюта. К тому же американцы тоже пытаются создать броню с ураном и ставить её на свои «Абрамсы». Тяжёлые танки. Они и сердечники бронебойных снарядов делают с использованием обеднённого урана.

– А в плане радиоактивности не страшно обслуживающему персоналу?

– Нет. Гораздо опаснее свинец и ртуть, висмут, а не обеднённый уран. Радиоактивную опасность создают примеси – уран-233, -234, -235. Они обладают интенсивным излучением из-за короткого времени полураспада – часы, минуты. Период полураспада обеднённого урана-238 несколько миллионов лет и потому излучение чрезвычайно небольшое. Безопасное. Названные примеси удалены. Но. Есть одно НО. В процессе соударения снаряда в такую броню или сердечника снаряда с ураном, создаются осколки, пыль урановая, кото-

рая тут же горит, окисляется до трёх-пятивалентного состояния. И вот эти оксиды страшны. Температура самовозгорания пылинок этого урана 150 °С. Оксиды накапливаются в лёгких и через 2-3 года начинается рак лёгких. Это уже выяснено и неизлечимо.

– А что представляет из себя покрытие? Интересный вид его – почти белый и не скользкий. Я бы сказал, что это декоративное покрытие, для мебели, для интерьеров.

– Можно, конечно, для красоты, но это чрезвычайно износостойкое покрытие. Можно использовать даже для гидроабразивных условий работы. Тоже на основе обеднённого урана. Для сцепления, для шестерён в танках. Долговечно и выгодно по цене. Можно катки, траки покрывать, но по цене уже нерентабельно.

– Каким способом выполнено нанесение, какова толщина слоя?

– Толщина 0,01-0,5 мм. Способ химический. Более сказать не могу.

– А это, что за покрытие?

– Это плазменное покрытие никель-хромовым сплавом; при этом, в процессе нанесения образуется жидкая фаза. Здесь почти ничего секретного нет. Порошок только получен методом порошковой металлургии. А вот какой элемент создаёт жидкую фазу – это временный секрет.

Итак, я становлюсь носителем секретов. Государственных, военных.

Немецкий язык давали мне два преподавателя – женщина и мужчина. Разница, оказывается, есть. Мужчина лучше преподавал технические термины, как-то более достоверно у него звучало, а женщина давала бытовые, спортивные, политические темы. Через три недели кое-как я научился объясняться в ситуациях в магазине, ресторане, а через месяц мог рассказывать о наших образцах металлов. Ещё бы – разговаривали по 6-8 часов в день. Язык и мозги уставали. Акцент у меня оказался баварский. Не самый трудный ученик я у них был, как они сказали.

К назначенному времени отъезда я был готов. Таково заключение кураторов. Проводили, посадили на поезд и вот я на вокзале в Берлине. Ехал я по своим документам, под своей фамилией, а на выставке я буду Винокуров Геннадий Александрович.

Встретил Иван Петрович, повёз в гостиницу. По дороге выдал мне новый паспорт с той самой фамилией. Откликаться на Геннадия Александровича я научился ещё на курсах. Для последнего инструктажа зашли в какую-то пивную, где он с превеликим удовольствием выпил две кружки тёмного пива с жареными колбасками, а я сделал только два глотка – не по мне, вот колбаски – это по мне оказались. Когда я был в Германии двадцать лет назад в составе ГСВГ – я ходил только в кофейни со своей сержантской зарплатой. Молоко и пряники. Колбаски я тогда не пробовал.

После пивной он довёз меня до входа в гостиницу, а сам

туда не пошёл – сразу уехал. Гостиница называлась «H2 Hotel Berlin-Alexanderplatz» почти в центре города на Фридрихштрассе, 96. Завтракать рекомендовал в гостиничном ресторане, обедать – в выставочном центре, а ужинать – в ресторане «Marjelichen».

Была почти ночь, поэтому никуда ужинать не пошёл, а сразу завалился спать. Переизбыток впечатлений.

После завтрака, в половине девятого Иван Петрович встретил меня в вестибюле гостиницы и мы поехали в выставочный центр City Cube Messe Berlin («Берлинский Экспоцентр»), что в районе Шарлоттенбург, недалеко от станции метро “Kaiserdamm”, напротив северного входа в автобусный вокзал “ZOB”.

Два дня по четыре часа ходили мы по залам и по прилегающей территории – 26 залов, 160000 м², летний сад почти 10000 м², площадка для тяжёлой техники 100000 м², парковка на 12000 автомашин. Работа кипела во всех залах – выставочные места наполнялись оборудованием, образцами, каталогами, проспектами. Показал место моей работы в зале «EXPOLINGUA» – раздел металлургии от института Чёрных металлов АН, рядом стенд института Стали и сплавов.

Оказывается, все российские участники выставки жили в той же гостинице. Через два дня, в первый же день работы выставки, в вестибюле гостиницы, перед посадкой в автобус Иван Петрович подвёл меня к руководителю делегации без представления, как будто я тут был всегда с ними. И ушёл.

Так началось моё свободное плавание.

Соседний стенд представляли две красавицы из института МиСиС. В первые четыре дня разговаривать с ними, осмотреть их стенд, образцы, детали мне было некогда – народ непрерывно подходил и задавал вопросы по составу, свойствам, цене, себестоимости, области применения.

В Москве я изучил все характеристики образцов и все возможные области применения металлов и покрытий, о которых я имел право рассказывать. Я не знал (так как не рассказали) только точного правильного (а не заявленного) состава, не знал технологии изготовления покрытия – только общую методику – «Химический способ нанесения» и толщина – 0,01- 0,5 мм. Твёрдость 46-48 НРА. Плазменное покрытие – «аморфизированный слой» за счёт сверхбыстрого охлаждения. А как это делалось – я не знал. Только догадывался. Отвечал уверенно на все вопросы кроме цен. Ну не любили в институтах определять цены. Говорил всем, что этими вопросами занимается коммерческий директор и отсылал всех к нему (несуществующему).

Ответ держал на немецком языке, один раз только по-русски разговаривал с кем-то. У того был какой-то акцент. Непонятный. Но он старался говорить по-русски. Ещё одного заметил – он дважды подходил в течение двух дней. Голос его даже запомнил. Все брали проспекты.

После работы нас (всю советскую делегацию) отвозили на автобусе к гостинице, дальше следовала прогулка пешком

в группе в ресторан на ужин. Немецкая кухня, добротный ужин с пивом, вином с копчёной грудинкой, кофе с кексами. Время для осмотра города руководители-кураторы практически не оставляли.

Только на четвёртый день схлынул поток посетителей, и я подошёл к соседнему стенду. Назвал себя. Женщины:

– Ну, наконец-то, вы обратили на нас внимание, а то мы начали обижаться. Как успехи у вас, сколько контрактов наметилось?

На столе у них стояли две картонные пирамидки с их фамилиями и именами, а на шее висели шильдики только с именами. Разобрался – одна из них, что постарше была Елена Павловна Камнева, другая, помоложе – Вика.

В прошедшие дни я несколько раз ловил на себе взгляды Елены Павловны, она как будто изучала меня. Но я был занят, не обращал внимание.

– Возможно, только два – один с египтянами, другой с персами. Был интерес у многих, но уклончивые намёки. Изучают ещё, сравнивают с кем-то.

– А мы заинтересовали не менее шести делегаций.

– Чем же вы их заинтересовали? Конечно, таким красивым женщинам легче привлечь внимание.

– Вот-вот, вы тоже там у себя вырастите, воспитайте, научите представительниц академии. Не только терминам научным, но и правильному поведению с деловыми мужчинами. – Кстати, к вам там подошли люди. Трое африканского

вида.

Я ушёл. Снова объяснения. Как я уже устал. Как это преподаватели работают? Ужас.

На шестой день в конце рабочего дня у моего стенда возникли два человека. Один в возрасте 24-26 лет, другой постарше – лет 35-38 и долго расспрашивали о возможных областях применения покрытий и броневых плит.

– Прочность на растяжение? – 1600 МПа. Твёрдость – 46 единиц по Роквеллу. Так долго и нудно, так долго, что все соседние стенды уже закрылись и люди разошлись, а мы всё разговаривали. Уходя, Елена Павловна тревожно посмотрела на меня. Через пять-шесть минут, как бы спохватившись, посетители извинились, и предложили идти на выход – автобус ждать не будет. Выходим, а автобус уже мелькнул за пределами стоянки. Поздно мы вышли.

– Не беда, – говорит, тот, что постарше. – Сейчас мы его догоним на нашей машине и вы переседете. Предлагают садиться в их машину. Ничего не подозревая, я сажусь на заднее сиденье, а там сидит уже один мужчина. Я сажусь рядом с ним, а меня подталкивает справа ещё один и я оказываюсь между двух крепеньких мужичков. Машина тронулась и не успел я осмотреться – куда едем, как сидящий слева прижал мне к лицу платок и я потерял сознание, вдохнув пары чего-то. Успел только осознать – хлороформ. Не увидел я и того, что Елена Павловна стояла в пяти машинах сбоку от нас и смотрела сквозь стёкла. Что-то она видела.

Очнулся в каком-то помещении без окон, похожем на медицинский кабинет – запах лекарств и чистые, с пластиковыми покрытиями, два стола. На них ничего нет, а я лежу связанный на кушетке. Привязан не сильно, руки-ноги не отекают, но и не вырваться, не встать. Одежда на мне – туфли, брюки, рубашка. Пиджака нигде не вижу.

Рядом на стуле сидит человек с медицинской маской на лице. – Очнулся, – говорит, – попробуйте задавать вопросы. Сердце в порядке, крепкое. Разговаривать можно сколько угодно, если подкормить вовремя. Мне кажется, что у него есть признаки диабета первой степени.

– Ну, что дока, а не расскажите ли вы нам из чего состоит ваша броня? Только не повторяйте того, что вы говорили на выставке. Это дезинформация. Вы нам истинный состав скажите. Это первый вопрос. Второй – способ получения «химического покрытия» – из чего и как? Вот и всё – и вы свободны. В Москве мы к вам никак не могли подойти, а здесь вы сами к нам пришли. Вот мы и решили воспользоваться случаем и задать эти вопросы.

– Я рассказывал вам всё, что знаю. Я знаю, так как сам над этими составами работал.

– Понятно. Секреты фирмы. Но мы разгадаем, определим состав химический, структуру, разгадаем условия термообработки. Но это, сами знаете, занимает много времени, сил. Мы украли ваши образцы и подменили другими. Подмена незаметна. Вот они. И он вынул из кармана наши образцы.

Я молчал.

– Понятно. Партизан-подпольщик-коммунист на допросе. Герой. А мы с вами поступим следующим образом. Сейчас мы введём вам в вену «сыворотку правды» и вы всё расскажете. Потом введём другой препарат и после того, как вы очнётесь через 12 часов вы ничего помнить не будете – что с вами произошло. Мы вас выбросим на окраине около мусорной свалки. Там вас ещё бомжи обработают, обчистят.

Я молчал.

– Понятно. – Он хлопнул в ладони и в комнату вошли двое. – Введите ему первый препарат.

Удерживать меня связанного было легко. Тот, который меня ранее осматривал, ввёл в вену шприц и выдавил прозрачную жидкость. Через полминуты сознание стало уплывать и всё ... темнота, но слух сохранился.

– Готово. Задавайте вопросы.

Снова начались вопросы. Что я отвечал – я не знаю. Это всегда у всех при такой форме допроса. Допрашиваемый ничего не помнит. Его ответы записываются на магнитофон. Голос слегка искажается, но понятно кто говорит. Вот вам и доказательство измены.

Сколько я был в отключке – я не знаю. Возможно 12, а то и все 24 часа. Когда я открыл глаза, передо мной снова сидели те же трое. Я связан.

– Странно получается Геннадий Александрович, вы не Винокуров, оказывается. Мы вас знаем по Москве, знаем

круг вашего общения. Точнее круг общения Винокурова. А вы не знаете практически никого. Даже жену свою путаете по имени. Так кто же вы? Но это не столь интересно. Где находится сам Винокуров?? – вы подстава, заменитель, очень похожий. Разница в форме залысин, ушной раковины, немного старше. Хорошо выглядите издали, с первого раза не отличишь

Я молчу.

– Вы, точнее Винокуров, прилетел в составе делегации – и это абсолютно точно. А вот где он сейчас находится? – очень хочется нам знать. И как прибыли вы сюда? Неужели нелегально? Но это преступление.

– Я выполняю свою работу, я разрабатываю стали, покрытия, а здесь представляю их публике. Вы могли ошибаться в Москве и здесь, присматривая за мной.

– Да, вами надо заняться более серьёзно. Мы пока удалимся. С вами останется один наш сотрудник. Он даст вам воду, пищу.

Двое ушли, остался тот, который меня держал.

– Пить, – попросил я. Тот молча сходил и принёс пластмассовую кружку с водой. Я выпил половину из его рук. Стало значительно лучше. Начал обдумывать ситуацию. Надо пытаться.... Для начала я стал притворяться страшно измученным, больным – закатывал глаза, как бы уходя в бессознательное состояние, мычал, как бы от боли. Так прошло часа два. А тот принёс какой-то журнал и читал, сидя у две-

ри. Второй стул он поставил у меня в изголовье и там поставил кружку. Я пригляделся – у него под курткой на поясе проглядывал пистолет.

Прошептал: – «Диабетон» дайте. Это средство от диабета, оно ускоряет усвоение сахара из крови.

– Лекарств нет никаких. Могу только накормить.

– Да, я страшно голоден.

Тот куда-то сходил, принёс небольшой кусок сыра, булочку, положил около кружки с водой. Отвязал мою левую руку. Так мне можно было насыщаться. Сам он тоже жевал, но какую-то колбасу. Хороший такой кусок был – из его огромной руки торчал на целых десять сантиметров, а сколько в ладони ещё?

Надо восстанавливать силы. Даже эта небольшая порция улучшила моё состояние. Но вода была, очевидно, из-под крана. А меня такая вода всегда слабит. Иногда чуть-чуть, иногда сильнее.

В комнате было душно – нет окон и нет вентиляции. Охранник снова сходил и принёс себе кекс и пакет какого-то сока. Надо же, как правильно питается. Ч-чёрт, не курит и не пьёт. Но он снял куртку, пистолет торчал за поясом. Он не скрывал его – всё по-серьёзному.

Прошёл час в молчании. Сырая вода начала сказываться – в животе заурчало.

– А как насчёт туалета? Я ведь живой – не труп.

Охранник внимательно изучил меня – ха, ходячий, но

групп против него. Одни пальцем поразит эту учёную развалину. – Да, я слегка развяжу узлы и сходим вместе.

Освободил ноги, потом левую руку, но верёвки оставил на руках, потом махнув рукой, снял их. Достал пистолет, махнул им – мол, пошли, и не шути. Шёл я специально медленно, шаркая ногами, осматривая коридор, прихожую, двери. Понял, где находится выход.

В коридоре было значительно прохладнее и охранник накинул куртку на плечи, как бурку. Раскрыл одну дверь, указал рукой – заходи, сам встал, прислонившись к косяку спиной. Что ж, придётся на глазах постороннего испражняться.

Снял штаны, присел и ... меня понесло. С воды сырой.

Охранник морщится, отворачивается, нос в коридор выставил, пистолет переложил в левую руку, да взял его за ствол. Я же, быстро натянув штаны, черпнул левой рукой каловые массы, резво подскочил к нему и вlepил в рожу.

От неожиданности и омерзения он вскинул руки к лицу и пистолет выскользнул из руки. Я успел подхватить его (мои тренировки в волейбол в молодости дали мне прекрасную реакцию движения рук) правой рукой и врезал в череп над ухом. Ежедневная работа с топором – рубка дров – накачала мне эти мышцы. Охранник со стоном соскользнул по стене на пол, затих. Не знаю – будет ли жить, но надо уходить.

Взял его куртку, надел на себя нормальным образом, черпнул ещё раз удивительной массы и без суеты пошёл по коридору. Пистолет в руке, рука – в кармане. Удобный кар-

ман – широкий. Вот и входная дверь. Заперта. Замок английский, ушко поворотное. Ушко легко повернулось. Открыл немного, а на улице вечереет, прямо идёт дорожка к мощным железным воротам. Слева сторожка. Делать нечего – надо идти. Несу вторую порцию добра. Вынул правую руку с пистолетом из кармана и отвёл за спину. Левую руку с добром держу внизу наготове. Пнул дверь два раза.

– Ты чё, Джон, пинаешься?

– Руки заняты. Открой, не пожалеешь.

Звякнул засов, дверь раскрывается и, не дожидаясь, когда она широко распахнётся, чтобы он не понял, что это не Джон, я снизу вверх махнул левой рукой с добром и попал ему в глаза. Он точно так же взмахнул руками к лицу, тем самым настез распахнул двери и заматерился. Я с остервенением врезал ему рукояткой пистолета сверху по макушке. Тот осел и загородил мне дверь на улицу.

Пришлось оттащить его в комнатку, освободить коридорчик. По ходу дела вытер руку о его куртку, и занялся запорами. Серьёзные два запора, с трудом справился. Ну, не знал я их устройства. Зная – всё просто.

Главное не суетиться, не спешить на улице, не привлекать на себя внимание, а самое главное не напороться бы сейчас на подъехавших... как их там... Осторожно выглянул. Пока их нет.

Вышел, глянул влево-вправо. Вправо далеко забор тянется, на другой стороне дороги дома, дома, а слева тоже забор

этой усадьбы, но через дорогу дом и сразу за ним улица. То есть Т-образный перекрёсток.

Машин и прохожих не видать. Быстрым шагом пошёл наискось к перекрёстку и свернул за дом – всё – я не в поле зрения из сторожки. Но перед самым поворотом краем глаза заметил какую-то фигуру справа на улице. До неё метров семьдесят.

Кто это? Случайный прохожий? Или ... Бежать долго, далеко я не смогу – не двадцать лет, догонят быстро. Я не побежал, я увидел нишу дверей дома. Дом старинный, ниша глубокая с лестницей вверх. Затаился, пистолет в двух руках стволом вверх на уровне груди, с предохранителя снял.

Жду. Слышу лёгкие шаги. Бег. Кто-то легко бежит. Чуть выглядываю – женщина метрах в двадцати уже, в руках сумочка – не пистолет, ... что, что, что – да это Елена Павловна!

Тут я медленно, но с пистолетом наизготовку выдвигаюсь. Она сразу заметила и негромко: – Надо уходить, спрячь пистолет. Предохранитель. Иди за мной или лучше рядом, возьми под руку. Фу, как от тебя пахнет. Надо быстро уходить, они могут приехать в любую минуту. Сейчас я буду ловить такси, попутку.

Но не попутка попалась, а встречная машина. Тем не менее, она махнула рукой, машина остановилась. Парень один. Она с ним переговорила и мы сели на заднее сиденье. Он развернулся и через три-четыре минуты мы вышли около стан-

ции метро. Елена Павловна рассчиталась с ним и, по-видимому, щедро, так как он заулыбался.

Он отъехал, а мы вошли в метро. Спустились, решили сесть в первый же поезд любого направления. Через две остановки пересели в другой поезд. При этом она незаметно осматривалась. Хвоста нет. Вышли на поверхность, она поймала такси, назвала адрес и через десять минут мы где-то вышли.

Когда такси уехало, мы прошли два квартала, меняя направление, заходя во дворы, чтобы провериться. Зашли в подъезд стандартного жилого десятиэтажного дома. Пешком поднялись на четвёртый этаж, позвонили. Дверь немедленно открылась – нас ждали. В квартире был Иван Петрович и ещё один мужчина.

– Как всё случилось?

– Он сам освободился. Бежал с пистолетом.

Дали сначала принять душ, напоили кофе, дали чистую одежду, а трусы почему-то бережно спрятали в полиэтиленовый кулёк.

– Рассказывай, герой.

Начал с самого начала. Что помнил, то и рассказал. Тут вступила в разговор Елена Павловна:

– Я заподозрила этих сразу и проследила путь вашей машины. Это было несложно. У тебя был маячок всегда. В трусах в одной из двух фальшивых пуговиц.

– А вы кто, Елена Павловна?

– Из спецслужб. По совместительству научный работник МиСиС.

– Вот это да.

– Виллу эту мы выследили, вычислили, а войти, освободить тебя – тут некоторые сложности возникли. Американская собственность это. Готовили мы и штурм, и дипломатические каналы изыскивали, а я дежурила. Почти двое суток не отходила от виллы. Но ты молодец – никто не ожидал. Думаем, что охранники живы и всё сойдёт тихо, без эксцессов.

– Да, шума не будет. И нам и им не к чему. Твой двойник успешно сделал свою работу и уже в Москве. Сейчас надо тебе уезжать. Поедем вместе. Самолётом, ближайшим рейсом по своему нормальному паспорту.

– Елена Павловна, а есть ли возможность встретиться с вами ещё раз где-нибудь.

– Приезжайте в Москву. Сейчас финансы ваши значительно окрепнут.

– А может, вы приедете ко мне в августе на виноград, на вино? Побеседуем о металловедении.

– Хорошая идея. У меня и отпуск до середины сентября будет. Ждите, коллега.

Часть 2. Дела подводные

После поездки на выставку прошло четыре месяца, на дворе начало марта и я кое-что делаю в саду-огороде. Дел много, если хочешь создать красивый плодоносный сад. Не будешь ковыряться – всё зарастёт бурьяном, зачахнет. Хорошо под Воркутой в Сивой Маске – там, в огородах почти нет сорняков, там почти ничего не растёт, а тут, на Северном Кавказе буйно всё растёт и на твою долю более двухсот видов букашек и столько же паразитных трав. Это я о чём? О том, что два дня назад мне позвонил Иван Петрович из Москвы и спросил – не хочу ли я прокатиться в одну из стран Юго-Восточной Азии. Дней на пять – шесть, ну, на восемь. Не сильно ли это скажется на урожайности моих насаждений.

Я ответил: – Заманчиво. Все мои сорта засухоустойчивые – сами вырастут до созревания.

Вот так слукавил, так как сразу понял, что есть возможность встретиться с Еленой Павловной.

Он ответил, что через два дня можно будет получить в Сбербанке срочный перевод на поездку в столицу и на следующий день, после получения, вылетать. Как в прошлый раз.

Вот я и ковыряюсь с утра до позднего вечера. И вскопать надо, и обрезать яблони-груши-виноград, и семена патиссонов-кабачков воткнуть в землю. Хоть что-то ... кто его знает, на сколько дней затянется путешествие.

Встретили меня ласково, обходительно – чем-то я им понравился. Но кто мягко стелет, тот и камешки может подложить под соломку. В машине о деле не разговаривали. Единственное о чём я спросил, – А будет ли возможность встретиться с Еленой Павловной?

– Будет такая возможность.

Привезли на какую-то квартиру, где был ещё один человек. Он позвонил куда-то и сказал, что «ОН прибудет через двадцать шесть минут». Ещё кто-то. – А пока давайте чайку попьём. Как там у вас с грибочками, с рыбалкой?

Не успел я ввести их в тему, как прибыл человек, перед которым все почтительно встали.

– Приятно с вами познакомится лично. Это он ко мне.

– Как самочувствие? Вижу, что лёгкий крестьянский труд на свежем воздухе вам на пользу. Вон и загорели уже, кожа упругая, взгляд ясный. Есть небольшое дело. Опять таки для человека пожилого возраста, не для юноши боевого склада фигуры. Опасности, как будто, никакой, но риск всегда имеется. Всё зависит от вас. Аккуратность, непосредственность в поведении, некоторая ловкость рук. Нет не воровство (заметил он мои недовольно поднимающиеся брови). Дома вы гарантированно будете вовремя. Вот та-кая общая обрисовка дела вас не пугает?

– Нет. Пока нет. Если вы считаете, что это мне по силам, то я выполню.

– Тогда продолжим беседу. В Республике Корея (Южная

Корея) имеется возможность добыть несколько новейших микрочипов в фирме «Самсунг». Они уже добыты. Сложность возникла при передаче их в наши руки. Все наши российские молодые люди, и наши корейцы тоже, плотно под колпаком их спецслужб. Там такая плотность населения и застроек, что нет возможности создать тайный «почтовый ящик». Вы понимаете? Вы, я знаю, читаете детективы шпионские.

– Подготовить новых людей (российских, китайских, корейских) займёт много времени. А эти чипы нам нужны срочно. Мы продумали вариант с вашей поездкой в качестве туриста. Как это будет происходить??

– Вы поедете со своей «женой» на экскурсию. В качестве «жены» будет Елена Павловна. Я вижу, вы обрадовались. Это хорошо, значит, вероятность выполнения задания повышается. Первая часть работы будет происходить в рыбном ресторанчике. Там делают рыбу, запечённую на углях. В запечённой рыбе, в желудке будет находиться чип. Вам остаётся незаметно вынуть его и спрятать у себя. Или во рту оставить, или ещё как-то. Потренируетесь хорошенько здесь. Вот она – ловкость рук. День-два-три вы будете здесь тренироваться. Как будет получаться. Кроме того, вы с Еленой Павловной будете здесь посещать бассейн. Тренироваться. Она очень плохо плавает. Там вам придётся купаться в море.

Вторая часть работы – это передача чипа в другие руки. Подробно вас будет обучать инструктор, а я только вкратце

сейчас скажу суть идеи. Вы будете купаться в море вместе с «женой» и со спасательным кругом. Это не круг, а большой овал, в который вы вместе легко войдёте. Овал тороидальный. Отплывёте от берега метров на сто, опустите правую руку в воду. На руке у вас будет браслет резиновый, в котором находится чип. К вам незаметно под водой подплывёт аквалангист, потрогает вас за руку – вы не пугайтесь – и снимет этот браслет. Всё, ваша работа заканчивается.

– Ловко придумано. А если всё-таки будут наблюдать и за мной. А я зашёл в воду с браслетом, а выхожу без него. Подозрительно.

– Вот видите, – это говорит Иван Петрович, – я же вам говорил, что он заметит любые нестыковки в плане. Вот что значит наблюдательность, логичность учёного. Это вам не боевики с мышцами.

– Это хорошо, что вы замечаете нестыковки. Будем обдумывать, так как надо сделать две такие операции. Два чипа. Но не в один раз. Все яйца в одну корзину не кладут.

– Ну, это же очень просто, – говорю я, – надо второй браслет хранить в кармашке плавок и там под водой одеть.

– Вот видите.

– Так и будем делать. При этом, когда вы полетите в Сеул, то на правой руке у вас должен быть браслет, например из шунгита. Чёрный, плоский, состоящий из десятка пластинок на двух резиночках, протянутых сквозь пластинки. Пусть спецслужбы привыкают, что на руке у вас всегда брас-

лет.

– Из шунгита – это хорошо – это, как бы, лечебный эффект даёт. Так говорят мошенники и делают, и продают. Кроме того именно этот браслет я должен одевать в море после того, как снимут у меня резиновый. Итак. Резиновый браслет на берегу находится в кармашке плавок, на руке шунгитовый браслет, в море меняю их местами, а потом надеваю снова шунгитовый.

– Верно. Именно так и нужно действовать. Надо потренироваться.

Высшее руководство уехало, мы попили чаю, я досказал о грибах и рыбалке и меня отвезли в гостиницу «Москва». Перед отъездом вручили разговорник русско-корейско-русский с алфавитом и с русифицированными корейскими словами. В этом случае алфавит, корейскую грамматику можно совсем не знать. Вечером с интересом заучивал некоторые слова: коги – мясо; муль – вода; мулькоги – рыба; аннёньхасимникка – здравствуйте; чалькаё – до свидания; таси маннапсида – до встречи. И др.

На следующий день с утра начались тренировки на кухне – учился пользоваться палочками при еде, извлекать чип из рыбы под видом косточки и прятать в кармане рубашки. Фокус делать тренировался. Пригодится, может быть, в жизни, деньги зарабатывать – в сельском клубе показывать. После обеда ходили в бассейн с Еленой Павловной. Она по два раза в день ходила. Утром без меня – училась плавать, а со

мною отработывали навыки совместного плавания со спасательным овалом. Я тренировался вытаскивать из карманчика браслет, надевать его на руку, укладывать в карманчик браслет шунгитовый. У меня снимали резиновый браслет, а я надевал потом шунгитовый. Ничего сложного – лишь бы не было шторма, сильных волн.

И вот мы приземляемся в аэропорту «Тимпо», жара, в здании аэропорта прохладно и чистый воздух без запахов. Ха, а все говорят, что сразу запахи новые. Я прилетел по своему паспорту, а Елена с новой (моей) фамилией – «жена». Купили карту Сеула, схему метро и сразу с интересом, но бегло посмотрели их. Подробно изучать будем в гостинице. Дождались рекомендуемый номер автобуса и через тридцать минут были возле гостиницы.

Поселились в гостинице «Акация» (Hotel Acacia. 360, Dongho-ro (улица), Jung-gu (район)), естественно, в одном, двухместном номере. Кровати отдельные, через тумбочку, на потолке большое зеркало. Зачем оно там? Вымылись в душе, оделись по погоде и пошли гулять, осваиваться, искать нужный переулок и ресторан. Наше прибытие должны молча (визуально) отметить местные «советские люди» – мы не должны ничего лишнего делать. Как и где это они сделают – я не знаю. Нас незаметно курируют. Итак, мы вышли из гостиницы; до центра два километра.

Идём. Всё интересно. Пестрота от рекламных вывесок, на тротуарах в боковых улицах (не на главных) развалы това-

ров. В коробках рубашки, носки, джинсы, спортивные костюмы, кроссовки, панамы-шляпы; на вешалках висят куртки. Тут же различные телефоны, фотоаппараты, ноутбуки. По-видимому, всё это секонд хэнд или распродажа залежавшегося товара.

Согласно карты мы идём на север, северо-восток – там улица и нужный переулок с рыбным рестораном. Мы спрашиваем: – Мианхэ, чихан-холь-до-ро Седжонго-ро? (Извините, как пройти до улицы Sejong-ro?).

Нам машут рукой в правильном направлении (не обманывают). Мы говорим: – Комапсымнида (спасибо). Нам отвечают: – Чхонманеё (не за что).

Мы чрезвычайно довольны, что люди понимают наш вопрос и отвечают.

Вот и улица Седжонгоро. А в какой стороне переулок с рестораном?

Опять спрашиваем у первых встречных: – Отасо кольмок (где переулок), переулок Длинный (кинкольмок)? Тэчунь-сикпан мульткоги (ресторан рыбный), мульткоги-рёри (рыбные блюда), пуль-мульткоги (рыба печёная).

– Э-э-э, арассымнида (понятно), – когиро (туда), орын чогыро (направо), когизэ (там).

Всё, пришли, нашли. Заглянули, увидели зал на двенадцать столиков, человека на кассе, официанта, одновременно поклонились, но в разные стороны. Таким образом мы представились, засветились перед нашим коллегой. Кто он –

не знаем. Вышли. Обедать не сейчас. Завтра в одиннадцать часов.

После напряжённых поисков и представления слегка расслабились и, наконец, почувствовали запахи. Они появились на маленьких улочках со множеством небольших кофеен, закусовых – жареный чеснок в масле кунжутном. Мы тут же попробовали пирожки из кукурузного теста в форме рыбы и начинкой из какой-то полусладкой коричневой массы. Так и не понял, а спросить слов не хватает. Молотое кунжутное семя, по-видимому. Вкусно. И больше нигде такого не встретили.

По пути, на развалах Лена купила осенне-зимний спортивный костюм и кроссовки, а я только курточку на сухую осеннюю погоду. Всё-таки мы туристы из небогатой страны. Обедать зашли в ресторан, где нам предложили криный суп (самгетхан) с корешком женьшеня и обычный панчан (закуска), намсэйори (овощные закуски) острые (мэнон): кактуги (солёная редька с перцем), сэнчхэ (салат из свежих овощей). От супа потрясающий эффект – лицо горит, ладони, пальцы рук и стопы ног становятся горячими. Нет, такой суп употреблять надо зимой, а не летом, но дело было к вечеру, поэтому – ничего, терпимо.

На ужин нас накормили где-то рисовой похлёбкой с яйцом (тальгаль-кук) и мясом в кляре (когичоня), пили напиток типа фруктовой воды (сайда).

Весь вечер занимались корейским языком и смотрели те-

левизор – почти всё понятно. Они каждый вечер подробно смакуют, как готовить то, или иное блюдо, как рыбаки ловят рыбу, кальмаров, как токарь вытачивает детали и прочее. Политические новости понятны только из картинок – видео-сюжетов.

– Мы, что муж и жена или как? Пицца здесь способствует особым чувствам.

– Или как. Живи в пределах своей кровати. Тоже мне, муж нашёлся.

– Знаешь, у меня такое ощущение, что за мной постоянно наблюдают, даже вот здесь в номере.

– Вполне возможно. Они за всеми наблюдают, но ты не подавай вида, что что-то ощущаешь, не пытайся найти их микрофоны, видеокамеры – ты обычный турист.

Не нравится мне такая жизнь. Не то ...

Рано утром в ресторане гостиницы завтракали (шведский стол) обычными европейскими блюдами – она мусли с молоком, горячий шоколад, я пару бутербродов с кетой и беконом, кофе. И как все туристы ринулись в народ, на улицу, в поисках достопримечательностей. Но у нас сегодня с утра мало времени до «нашего дела», поэтому далеко не отходили. В парк и дворец решили сходить во второй половине дня после...

Без пяти минут одиннадцать мы зашли в назначенный ресторанчик, поклонились-поздоровались с встретившим нас хозяином. В зало почти пусто, 6-7 человек на трёх столиках.

Хозяин предложил нам заранее определённый стол – у задней стены без окон. Можно сидеть боком и спиной к залу, к входу.

– Здесь не занято? (ёги чарыга пиёсымника?).

– Свободно (пиёсымнида). Садитесь, пожалуйста (анджы-сипсио).

– Что вы будете заказывать? (муоль ёгу-касимника?).

– Рыба запечённая, две порции (пуль-мулькоги). Пиво (пэкчу).

– Да. Понимаю (арассымнида).

Не прошло и двух минут, как нам несут на двух блюдах по две разных рыбины длиной, примерно, по двадцать пять сантиметров, но все одинакового чёрного цвета – все обугленные, неаппетитно выглядят. Горячие.

– Сегодня сельдь и форель (чхоньо и чхильсэксоньи). Особо рекомендую форель. Показывает на более толстенькую рыбину.

Понятно, думаю. Беру палочки в правую руку, настраиваюсь на форель и начинаю убирать чёрную кожу с крупными частицами соли. Рыба прожарена, не сырая. Отпиваю глоток пива. Пиво замечательное – в меру прохладное. Пробую первый кусочек форели. Тоже вкусно. Одобрительно киваю официанту и тот довольный отходит.

Разделался с верхней частью спинки, незаметно огляделся – люди уже не обращают на нас внимания, тогда я приступаю к брюшку. Животы у рыб разрезаны и внутренности

убраны. Обычно здесь рыбу запекают вместе с внутренностями – они ссыхаются и легко вынимаются. Но для нас рыбу почистили. Приподнимаю полость живота, ага... что-то там находится плотно завернутое в чёрную плёнку. Наверное, скользкая плёнка. Только бы не уронить на пол с этими палочками. Нет, не уронил, положил на салфетку, как будто косточку вынул, затем салфетку закрутил и незаметно левой рукой положил в правый карман рубашки. На рубашке два кармана. Основное дело сделал. Сейчас спокойно доесть всё, допить, расплатиться.

Лена начала с сельди, уже прикончила её, попивает пиво. Ей оно тоже понравилось, хотя обычно морщится от «Жигулёвского» и не пьёт. Приступает к форели. Брови удивлённо лезут вверх – это гораздо лучше, чем селёдка.

Наконец заканчиваем рыбную процедуру:

– Официант, счёт! (Кесансорыль чусипсио). Сколько с нас (ольма имника?).

– Не желаете ли нашего фирменного блюда – жаркое из трепангов?

Я мысленно рвусь из этого помещения на волю, а тут пытаются задержать, да ещё трепанги, а «жена» и не жена.

– Нет, спасибо, в следующий раз.

– Шестьдесят вонов.

– Пожалуйста.

Перед уходом захожу в туалет, писсуар, мою руки, перекидываю пакетик подальше, в потайной брючный карман.

Лена проделывает аналогичные операции. Выходим. Уф-ф.

– Ну, что, как самочувствие от запечённой рыбы.

– За такую работу платить надо бешеные деньги.

– А тебе и заплатят. Неплохо. Ну, пойдём смотреть город, а завтра на пляж.

Ходили по Сеулу и забрели во двор дворца Кёнбоккун. Осмотрели красивые ворота (Тандемун), удивительно отделанные крыши и предкрышевое устройство. Очень много внимания уделяют корейцы этому элементу зданий.

Вышли и пошли за Тандемун направо, вскоре ещё раз направо, там начинается красивая ухоженная улица. Но не сделали и десяток шагов, как к нам подходит офицер полицейский, останавливает и руками показывает, чтобы мы возвращались. Я не понял, рвусь идти дальше. Тогда подходит ещё один и на английском языке объясняет, что посторонним здесь делать нечего – здесь правительственный квартал – там президент. Оказывается, что там находится «Запретный сад» – обитель правителей.

Нас незаметно сфотографировали. Это заметила Елена.

В номере гостиницы мы свалились в свои постели и долго лежали, глубоко дыша – отдыхали от многокилометровой прогулки. Потом приняли душ и легли спать – завтра рано вставать – надо ехать на острова, на пляж. В семь утра мы были уже в метро и выбирали маршрут. Ехать надо в приморский город Инчхон (на рейде которого был потоплен крейсер «Варяг», в то время этот город назывался Чемульпо), а

далее на пароме на один из многочисленных островов Жёлтого моря – на остров Модо. Это самый маленький остров из группы пляжных островов.

Долго ехали в метро (около часа) в Инчхон, потом пешком дошли до пристани Саммок и стали ждать паром. Билет туда и обратно 3600 вон. Паром ходит через час, восемь раз в день. Пока ждали, наблюдали, как местные жители во время отлива бродили по отмели по колено в иле и палкой с крючком разгребали водоросли и доставали осьминогов, мидии и ещё что-то. Кто-то лично для себя, для дома, а кто-то в харчевню для приготовления различных блюд, которые тут же на берегу в большом количестве имеются. Наконец едем на пароме. Поездка короткая – ми-нут пятнадцать. В итоге на острове мы были в половине десятого, а заплыв надо делать в 14:15. На острове находится парк скульптур, вход 1000 вон. Осмотрели парк, скульптуры – помесь всяческих направлений, выверт вычурных фантазий. Некоторые есть интересные, а большинство – заумные, непонятные, пошлые. Как я понял – скульпторам лишь бы обозначиться, выпендриться (по-русски говоря), выделиться чем-то, как-то. Я бы не стал такое делать и выставлять. Самое интересное – это сама природа – чудесные виды с горы на море с островами. Погода была замечательная. Над водой дымка. День недели – четверг и народу немного. Проголодались.

В ресторане нам предложили местный фирменный суп морской – удо-кук. Не острый, а даже мягкий вкус супа из

морских ракообразных (плюс ракушки, осьминоги) с морской капустой. Особого вкуса нет от морских каракатиц (да и черепаховый суп безвкусный оказывается), только морская капуста придаёт запах моря.

К двенадцати часам мы спустились на пляж. Нашли нужное место. Пляж находится в бухте с почти белым песком, правая часть подковы бухты низменная, а левая – с высокими скалами. Вот туда нам и надо. Нам нужно быть в море в 14:15 в ста метрах мористее самой дальней скалы. Заранее, ещё в Сеуле, купили овальный, двухместный спасательный круг, сейчас его надули и опробовали в деле – искупались недолго около берега. Вода прохладная, долго некупаешься. Лена купила сачок для ловли морской живности. Здесь многие с такими сачками. Диаметр его двадцать сантиметров со сферической мелкой капроновой сеткой, рукоятка длиной около шестидесяти сантиметров. В такой сачок можно поймать медузу, маленькую рыбку, черпнуть со дна камешки или крабика. Купила она также маску, чтобы смотреть под водой; не нырять, не плавать с ней автономно, а держась на спасательном круге, опустить голову в воду. Тоже многое можно увидеть, тоже интересно. Правила здесь такие – поймал что-нибудь – медузу, крабика, рыбку – всё это следует отпускать. Поймал, полюбовался – отпусти.

Лежали, загорали, набирались тепла перед дальним заплывом. Время уже 14:05, мы пошли в воду; никто, ничего нам не мешает. Поплыли к скале и дальше. Часто оборо-

чиваюсь, чтобы сориентироваться ...ну, кажется, на месте. Опускаю обе руки поглубже в воду и сразу дёрнули меня за левую кисть.

Взглянул в воду – тень аквалангиста, затем он снимает резиновый браслет, а я надеваю шунгитовый. Операция для нас закончилась. Доплываем до берега, собираемся и уходим к пристани. Куда поплыл аквалангист – я не знаю – то ли в Северную Корею, то ли на подводную лодку.

В первый раз всё прошло замечательно. Через два дня надо добывать из рыбы второй чип и снова ехать сюда купаться. От перенапряжения мы целый вечер даже не разговаривали. Отдыхали. Ничего читать и смотреть по телевизору не хотелось. Бездумно лежал с закрытыми глазами. Ну, конечно, – перегрелись на солнце.

На другой день лениво побродили вокруг гостиницы, вышли на улицу Мёндон – торговая улица с массой всяческих магазинов. Увидели вывеску на уровне второго этажа на русском языке «У Палагеи», зашли. Оказывается это кафе. В русском стиле, хозяин и обслуга – русские девушки. Блины, пельмени, пироги мясные и рыбные, квас, огромный самовар. Закали блинчиков с творогом, сметану. Тут зашли два негра в солдатской американской форме – ну да, здесь недалеко американская военная база. Мы спросили у официантки, часто ли американцы заходят. – Часто, особенно негры – им очень нравится наша кухня. Не корейская, а наша русская.

После кафе рядом в лавке Лена купила красивую сумочку, а я зонт.

Подошло время для второго чипа. Воскресенье. Пришли точно. Но, что-то пошло не так. В ресторанчике много народа, только мы сели за свой столик, как тут же зашла толпа и вокруг нашего столика всем места оказались заняты. Мы заказали и нам подали печёную рыбу. Не торопясь начали палочками щипать маленькие кусочки со спинки. Едим, но надо же и чип добывать, а на нас на круглоглазых, белокожих иностранцев все вылупили свои узкие глазёнки. Тогда Елена шепчет: – Будь готов всё сделать быстро. Я их всех сейчас отвлеку.

Она встаёт, машет рукой официанту и по-корейски говорит – ПРЕСНО ! невкусно (сингоун, маси омнын), принесите перец красный стручковый (коклури-кочу) да погорше, поострее (ссын).

Как всегда, незамедлительно (так как этот овощ всегда приготовлен у них в изобилии) несут на тарелке стручки перца, разрезанные вдоль на четыре части. Елена сразу, ещё стоя (загораживая меня), берёт с тарелки рукой дольку горьчайшего перца и начинает жевать. С «большим наслаждение», крикая, чавкая и смакуя она жуёт и говорит: – Вот то, что надо. Хорошо. Спасибо (мэун, ссын, кусухан, маси иннын).

Все присутствующие внимательно следили за ней, и её проба перца вызвала бурный восторг. Некоторые аплодировали, другие кричали: – Молодец красавица (чхам маим);

красиво (нарыльтаноль).

Я тем временем выполнил свою операцию. А Лена долго-долго пила, тянула судёнку (воду, настоенную на ядрах кедровых орехов). Незаметно отдыхивалась. Заказали ещё жаркое из трепангов – кусочки горячей упругой резины с жгучим перцем, но сытно, как потом оказалось.

Спокойно закончили обед и пошли на выход под одобрительный гул сидящих корейцев. Вышли из ресторанчика, повернули налево, идём по узенькому переулку, и на пересечении с большой улицей видим – на обоих углах стоят два полицейских. У нас у обоих ёкнули селезёнки – не по наши ли души. Вчера мы засветились около президентского дворца – террористы потенциальные. Пытаемся идти спокойно. Ещё не доходя до главной улицы, слышим шум, гул людской. Выходим на широкую улицу, а слева метрах в ста огромная толпа с лозунгами. Толпа стоит на месте, так как напротив расположилась шеренга полицейских со щитами. Демонстрация – вот в чём дело. Требуют работы (оиль) и денег (Воны! Воны! Воны!).

Вот в чём дело. А нам нужно идти на ту сторону большой улицы и влево. А там весь тротуар занят бастующими и полицейскими. На той стороне улицы, напротив нас скверик, который почти свободен от людей. Вот туда бы нам. Направо идти – перекрёсток очень далеко и тоже народ, сочувствующий, не участвующий в демонстрации.

Решились – идём сразу через широкую улицу позади по-

лицейских со щитами. Когда мы оказались на середине – все демонстрирующиеся замолчали. И все полицейские тоже смотрят на нас – что мы задумали?. Ё-моё! – опять мы засветились! – тут множество телевизионных камер, телевидение, журналисты. Где же наша шпионская незаметность? Где осторожность? Конспирация на демонстрации.

Перешли, углубились в сквер и на улице снова скандируют – воны, воны, воны! Мы им не нужны.

Завтра, в понедельник надо ехать на пляж, на тот же остров. Путь знакомый, поэтому выходим позднее, чем в первый раз – в девять часов. Доехали до пляжа без приключений, до заплыва ещё полтора часа. Зашли в ресторан на суп удо-кук.

В 14:05 плывём к скале и далее; в руках у Лены так же сачок, на голове маска, но не одетая. Мои руки в воде, вот лёгкое касание кисти и снимают браслет. Я надеваю другой браслет. Всё в порядке – наша миссия закончена.

И тут Лена восклицает: – Что там такое? Смотри!

Метрах в пятидесяти в сторону моря взбурлила вода, брызги, тёмные фигуры – то руки, то ноги с лапами. Через пару секунд в борт нашего спасательного овала впивается нечто, похожее на авторучку. Я вытаскиваю – это стрела-гарпун. Из дыры с шипением выходит воздух. Я прижимаю ладонь к отверстию, гарпун закладываю за резинку трусов и мы начинаем работать ногами, чтобы плыть к берегу. Хватит ли плавучести? Правда, мы и без спасательного круга сможем

доплыть.

Вдруг из воды поднимается рука в чёрном гидрокостюме и хватается за борт, а потом сразу хватается Лену за левую руку. Кто? Что за шутки. Показывается голова в маске. Лена не растерялась (а я зажимаю отверстие) сдёрнула маску с его головы и выбросила за спину. Лицо корейской национальности, наполненное решимости что-то сотворить.

Тогда Лена перехватывает сачок и торцом рукоятки сильно, резко тычет ему в лицо. Попадает в правый глаз – тот вскрикнул, зажимает глаз рукой и отпускается. Ушёл под воду, сделал сильный взмах ластами, зацепил ими за Ленину ногу и исчез из вида. Через минуту его голова появляется над водой в тридцати метрах от нас в сторону берега – вздохнул и снова ушёл под воду. Так за четыре приёма он добрался до берега, вышел, снял ласты и, держась за глаз, ушёл в сторону медпункта.

Мы тоже спешим к берегу. Добрались, бросили на берегу спасательный круг, быстро оделись и направились к выходу, к пристани. Надо срочно уезжать. Пока одевались, Лена показала мне огромную царапину через всё бедро наискось. Около причала нас остановили трое корейцев в гражданской одежде, двое вынули пистолеты: – Вы задержаны, – и повели к полицейскому участку.

Переводчика нет, но то, что они просят наши документы – это понятно.

Документы у нас собой, они в порядке. Полицейский по

компьютеру что-то проверяет. Возможно, наш приезд, визы, гостиницу. Тут я достал из бумажника визитку гостиницы и на обратной стороне написал наш номер.

Причина задержания полицейскому не понятна, но он знает, что гражданские – это из контрразведки. Это и нам становится понятно. Но мы молчим – подайте переводчика. – Будет переводчик. Но надо вам задержаться здесь на острове и дожидаться, когда из Сеула придет переводчик. Но это только завтра. Куда нас девать? За что арест?

Я предполагаю, что эти вопросы возникли в голове у полицейского. У контрразведчиков другая информация. Бостолкновение с неизвестным (.ми) аквалангистом (.ми) под водой; ранение аквалангиста вот этой иностранной дамой; нахождение вот этих двух купающихся в том самом месте. Случайность?

У контрразведчиков много конкретных вопросов. Понятно, что они должны искать ответы на них. Это их работа. Наконец они созвонились со своим начальством и что-то решили. Жестами и словами корейскими тоже, они предлагают нам следовать за ними. Ведут на пристань. Далее нас везут в сопровождении двоих на пароме до Инчхона и, далее в Сеул на их автомашине. Хорошо одно – нам не платить за дорогу.

Привезли в какую-то серьёзную контору. Переводчик уже дожидается.

– Как вы оказались на острове?

– Мы туристы, путешествуем, отдыхаем. Наши докумен-

ты в ваших руках – они в порядке. Мы проживаем в отеле «Акация». Через два дня уезжаем, у нас имеются билеты на вылет.

– Почему вы посещали именно этот рыбный ресторан? Почему вы рвались к президентскому дворцу? Почему вас интересовали солдаты американской армии? Почему вы оказались в самом центре демонстрации? Подстрекали на неповиновении властям. Почему вы выбили глаз нашему сотруднику? Вы есть хорошо обученные террористы.

Вот такие вопросы нам задавали в течение часа и мы пытались на них спокойно отвечать.

Постепенно выясняется, что глаз у аквалангиста вытек, а второй аквалангист не вернулся вообще. Где-то он пропал. Убит, утонул.

Позиции у нас прочные – мы случайно оказались в эпицентрах событий.

– Этот аквалангист, – отвечает Елена Павловна, – пытался совершить надо мной сексуальное надругательство. Вот посмотрите, – и она задирает выше пояса своё платье и показывает огромную царапину, идущую от самой мохнатой пади вниз наискось по бедру до колен. – Он пытался снять с меня трусы! В присутствии мужа. Он большой наглец.

Все присутствующие скромно отводят глаза от этого великолепия. Таких бёдер они ещё не видели. Здесь все как-то тощие, как саранчи, как кузнечики с их коленками. Назад.

– Да, – как бы соглашаясь, говорит допрашивающий, – ви-

жу царапину. Как она появилась – мне не понятно. Чем это сделано?

– Ногтем. Негодяй. Так ему....

– По поводу мужа ... у нас тут некоторые сомнения возникают. Вот вы молодые, а ведь ни разу не воспользовались шикарнейшей постелью и не трахались, грубо говоря, ни разу. Как так?

– Нет, ну какая мерзость творится в вашей стране – вы ещё и в постель подглядываете! Да мы предпочитаем в ванной комнате под душем! Или там тоже микрофончики, телекамеры стоят?

– Стоят, но они, к сожалению, неделю назад вышли из строя и пока их не заменили.

– Эти изделия фирмы «Самсунг», очевидно? Паршивая фирма. – Это Лена говорит небрежно-презрительно.

Тут и я вставил пару слов. – Кто стрелял в нас из подводного ружья? Гарпун пробил камеру нашего спасательного круга. Этот гарпун мог в любого из нас попасть. По какому праву стреляли в нас? Я требую адвоката. Эта стрела находится в наших вещах у вас, а спасательный круг остался на пляже. Дырявый. Разберитесь – чья стрела. Кто стрелял.

Нападение – это лучшая защита. Дознаватель слегка ступшевался:

– Будем разбираться.

– Мы иностранцы, мы требуем адвоката. Без адвоката отвечать на ваши вопросы мы больше не будем.

– Да, это ваше право. Адвокат скоро будет, а пока отдохните в нашем помещении. Мы можем задержать вас на двое суток до предъявления обвинения.

Нас отвели в подвалы. Там множество камер. Нас поместили в разные камеры. Дали по бутылочке воды.

Через два часа нас вывели на допрос. Представили адвоката. Очевидно, что адвокат уже познакомился с вопросами и ответами.

Снова начали задавать те же самые вопросы. Мы отвечали точно так же, как и в первый раз.

Адвокат: – я не вижу никаких противоправных действий со стороны этих иностранцев. Нет доказанных противоправных действий. Их следует немедленно отпустить, а вам разбираться. Кто стрелял в них. Удар рукояткой сачка в лицо – это жест самозащиты от сексуального маньяка.

Допрашивающий: – Хорошо, мы отпустим их, но под домашний арест. Они не имеют права выходить из номера гостиницы до отлёта самолёта. Два дня мы будем разбираться, а затем сопроводим их в аэропорт.

Нас отвезли в гостиницу и приставили часового перед дверью номера. Как они там за дверью, в коридоре сидели, или лежали, или стояли, когда менялись – я не знаю.

Мы приняли душ. Раздельно. Заказали ужин в номер. Поужинали и легли спать. Раздельно. Пусть смотрят.

На следующее утро я сделал ей комплимент: – Вы сегодня такая красивая – тансинын оныль чонмаль арымдава-поим-

нида, а я в холодильнике нашёл пакетик с ветчиной датской, почти без жира.

– О, как я люблю по утрам мясо. Она зарделась, – вот это другое дело – вот это настоящий муж, иди ко мне старикашка противный .... Ради конспирации на что только не пойдёшь – на любую ерунду и глупость. Оказалось, что я и не противный и не такой уж старикашка. В отличной спортивной, мужской форме. Оба оказались довольны друг другом. И чё было жеманиться до сих пор.

Не успели мы привести себя в прядок – к нам стучат. Открываю дверь – входит полиция с переводчиком.

– Именем правительства мы вас депортируем сегодня же, немедленно. Собирайтесь. Пять минут на сборы.

Часть 3. Полёты в США

Возвращение из Кореи нельзя, конечно, назвать триумфальным, но успех был очевиден – чипы были доставлены быстро и целыми. Оба мы писали подробные отчёты, которые были изучены и одобрены. На всё это ушло четыре дня и я возвратился домой. Сад-огород изрядно зарос, но, получив, немалые денежки я в Москве купил бензиновую сенокосилку ручную (наплечную) – это новинка в наших краях. С её помощью я за два дня выкосил всё в саду, а потом ещё неделю полол руками; поливал; опрыскивал яблони-груши-виноград от вредителей. Обычная работа. Втянулся и стал забывать свои приключения.

Но меня, оказывается, в Москве не забывали – раз в неде-

лю звонит Елена и спрашивает – когда там виноград первый созреет. Хочет приехать. Хочет. Через месяц позвонил Иван Петрович: – Нет, не вызов, ничего особого, просто проверка, как вы себя чувствуете – начальство интересуется. Оно у нас заботливое.

– Приезжайте на ягоды – вот йошта созрела, скоро яблоки-груши, а потом и виноград ранний – «Восторг» белый в середине августа, вино (всегда есть). Новое вино ещё не скоро – в конце сентября, в середине октября, а старое имеется.
– Значит всё в порядке. Будем иметь в виду.

А что это значит. Он не досказал и возникает двусмысленность – что они имеют в виду.

Так тянутся дни и вот середина июля. Звонок. Иван Петрович «на проводе»: – Извини, конечно, Владимирыч, но без вас нам трудно. Вы нам нужны срочно. Денежки у вас сейчас должны быть, поэтому мы вам не высылаем – потом сочтёмся, а вы послезавтра должны быть в Москве. Разговор есть не телефонный.

Я уже привык, я подготавливаю огород к длительному отсутствию – обильно поливаю. Хорошо, что нет кошки-собаки-куриц-поросят.

В Москве меня встречал Иван Петрович, привёз на ту же квартиру, где меня ждали два человека, в том числе и тот же начальник. Он оказался генерал ГРУ. После двух-трёх предварительных, ничего не значащих, предложений он перешёл к делу: – Мы, наша организация, конечно, может всё или

почти всё, но существует и такая сторона дел, как практичность, экономичность, денежные вложения. Эта часть стала перед нами очень серьёзной преградой для некоторых дел. В стране стало мало денег – нефть дешевеет. У нас нет лишних людей для ещё одной очень срочной операции.

– Риски имеются – и технический (так как связан с использованием довольно сложной техники), и конспиративный. Срочность связана с безопасностью нашей страны. На выполнение задания мы планируем две недели. Собственно дело – это семь-восемь дней и столько же подготовка ваша, вместе с Еленой Павловной.

– О-о-о!

– Да. Вы также едете в качестве «мужа» и «жены». Надеюсь, вы не против?

– Нет. Это исключительно полезно. Во всех отношениях.

– Неужели? А говорят она ярый противник мужчин – она лесбиянка.

– Не заметил. Но, говорит, исключительно в качестве конспирации она готова на всё.

– А почему же ни вы, ни она это не зафиксировали в своих отчётах?

– Конспирация.

– Вот это профессионалы. Иван Петрович, а вы как не догадались?

– Виноват, не доглядел.

– Ну, ладно, это даже хорошо. Так вы готовы выполнить

это очень серьёзное и даже опасное задание?

– А что тут говорить, опять-таки, если вы считаете, что мои физические возможности позволяют это сделать, то я сделаю.

– После вашего откровения, ваши физические возможности многократно возросли в моих глазах. Ведь до вас никто не мог совладать с Еленой.

– Это мелочи жизни. – Говорю я, – главное, что я понял, – это вы бережёте своих молодых кибергов и подставляете меня, старика, пенсионера. Я не против, жизнь от этого стала веселее, разнообразнее и я не кичусь сейчас от мысли о своей исключительности. Надо беречь молодёжь для более серьёзных дел. Ну, а Елена Петровна, то вы её посылаете всюду, так как считали – ну какой от неё прок для страны, когда она не хочет (не может) рожать новых кибергов. Так?

– Вы очень откровенно и жёстко говорите, выворачиваете наши сокровенные мысли. Ничего от вас, я вижу, не утаить. Тогда говорю последнюю сиюминутную мою мысль – её то вы ещё не успели разгадать. – За успешное выполнение этого задания я вам гарантирую Звезду Героя СССР.

– А за то, что Елена Павловна родит одного-двух детёнышей я потребую Звезду Героя Труда.

– Ха-ха-ха, такого сотрудника у меня ещё не бывало в строю. Обещаю и это. Иван Петрович, Геннадий, вы слышали – я обещал. Напомните потом. А сейчас давайте выпьем по рюмочке и я ухожу, а вас с конкретным делом начнут зна-

комить вот эти товарищи.

Геннадий сходил на кухню, принёс рюмки и бутылку коньяка «Арагат». Разлил, молча выпили и генерал ушёл.

Мы выпили ещё по рюмочке. Геннадий принёс сервелат, пирожки с капустой. Потом пошёл готовить кофе. Разговор намечается длинный.

Говорил Геннадий – разработчик плана. – Лететь предстоит в США. Вы едете туристами под другими фамилиями, но, как супруги. Елена отлично владеет английским классическим и неплохо американским сленгом. За неделю подготовки здесь вас тоже поднатаскают на американский сленг. Как мы знаем, вы владеете немецким, а английский – только переводите технические тексты. Но, не это самое главное. Вам нужно научиться летать на портативном заплечном ракетном реактивном летательном аппарате.

– ??? – поднимаю брови и плечи.

– Не удивляйтесь. Это как раз то, что в техническом плане опасно. Аппарат позволяет при полной заправке преодолеть 30 километров. Заправляется метиловым спиртом – пить нельзя – яд, полная заправка двадцать литров. Аппарат одноместный, а летать придётся два-три раза и вместе с Еленой. Она тоже будет учиться вместе с вами. За неделю обучитесь это обычный срок. Теперь о самом деле. В США вам надлежит взять образцы обшивки самолёта-невидимки и доставить их сюда. Два образца размером двадцать на двадцать сантиметров или десять на двадцать, как получится раздо-

быть на месте аварии самолёта. Аварию устроит другой человек. С ним вы встретитесь там, в городе Финикс. Около испытательного аэродрома – особосекретная, особоохраняемая зона, так называемая «Зона 51». Тот человек ручной ракетой «Стингер» поразит взлетающий самолёт. Вы будете по ходу лёта самолёта в двух-трёх километрах и будете наблюдать, где упадёт самолёт. К нему вы подлетите на ранцевом летательном аппарате, так же туда подлетит или подъедет тот товарищ, он отрежет нужные куски обшивки, передаст их вам, вы их закрепите на теле и на своих аппаратах заплечных улетите к своей машине, которая будет стоять в трёх километрах, в песчано-гравийном карьере. На машине вы уедете в портовый город Лос-Анджелес, бросаете машину, и по другим, чисто американским документам, на теплоходе плывёте на Аляску. На самолётах более тщательный досмотр, нежели на пароходах. Прибываете в порт, главный город Аляски – в Анкоридж. В Анкоридже вы получаете посылку – посланные тем товарищем, ваши летательные аппараты – и далее наш (другой) человек везёт вас в машине-вездеходе в посёлок Уай на берегу Берингова пролива. Там вы заправляете спиртом свои аппараты и перелетаете через пролив на Чукотку. Хорошо, если попадёте на остров Ратманова – это наиболее короткий перелёт. Всё. Это схема. Далее: – ...

– Сейчас давайте попьём кофейку и я буду более подробно говорить о маршруте, месте встречи, о паролях, о документах, о легенде вашего появления в Финиксе, в Анкори-

дже, в Уайе.

Ушёл на кухню, начал молоть зёрна, я тоже пошёл туда посмотреть, что за сорт кофе он будет готовить. «Бурбон» оказался. Хорош.

Вскоре Геннадий принёс на подносе три большие ча-шки кофе, сахар, ложечки.

– Старшим всё-таки будет Елена Павловна – она наш кадровый работник и опыта много больше вашего. В Америке она уже побывала. Так вот. Летите до Нью-Йорка самолётом «Аэрофлота» в качестве туристов. Вы желаете посетить-посмотреть на Большой Каньон. Для этого вам нужно лететь на самолёте до города Финикс. В Финиксе вы встречаетесь с нашим человеком и на месте планируете дальнейший путь. Мы, конечно, знаем этот путь по карте. Сейчас мы вам покажем карту Америки и тех мест. Но сначала о том, как вы встретитесь. Итак. В Финиксе имеются две лётные школы, обе готовят лётчиков-любителей, но одна готовит также и вертолётчиков. Вот в ту школу и придёте. Якобы вы желаете записаться на курсы вертолётчиков – вы собираетесь купить свой лёгкий вертолёт и полетать над Большим Каньоном. Вы придёте в контору директора аэроклуба, увидите за письменным столом высокого бледнолицего, с огромной рыжей шевелюрой молодого человека, лет 32-34-х и спросите: – «Можно здесь выучиться на ветролётчика, мне и жене». Именно говорите «ветролётчика». Он спросит – «как, как вы говорите – ветролётчик». Вы отвечаете: – «В детстве мне

объясняли, что когда задует сильный ветер, то он раскрутит винты у этой машины и машина поднимется в воздух. Это и есть ветролёт».

Он ответит: – «Оригинально вас обманули. Мы вас научим летать, но только на вертолёте». Всё. После этого представления вы можете говорить о наших делах. Говорить вы будете только там и тогда, как подскажет этот человек. Он подготовится – принесёт ваши новые чисто американские документы и вы встретитесь там, где он скажет. Далее, вы возьмёте на прокат автомобиль на две недели, заплатите за весь срок вперёд. Опять-таки, он подскажет, где и что брать. Вы приедете по указанному адресу и возьмёте летательные аппараты. Они будут заправлены на половину бака.

В назначенное время поедете на исходную позицию (точное место он вам укажет, лучше, если свозит туда, чтобы не заблудиться) и будете наблюдать полёт и аварию самолёта. Подлетите к сбитому самолёту, там будет этот товарищ, который с помощью «болгарки» на аккумуляторе вырежет нужные образцы обшивки самолёта. Взяв, укрепив на себе эти образцы, (каждый берёт по одному образцу) вы улетаёте к своей машине. В том же месте в карьере разбираете, маскируете аппараты и уезжаете в Лос-Анджелес. Наш человек находит аппараты, упаковывает и отправляет в Анкоридж на вашу фамилию.

На Аляске вы прибываете в порт Анкоридж, вас встречает другой человек, он вас узнает по фотографии – счастливая

супружеская пара прибывает в аэропорт города Нью -Йорк. Встречает, как старых знакомых, коллег, которых давно ждёт в гости. Он везёт вас к себе в город Анкоридж – это в пяти километрах от порта. Там вы получаете документы, что вы гляциологи и едете снимать показания приборов с ледников на побережье Берингова пролива. Через день вы идёте в грузовой отдел аэропорта получать свой багаж – приборы. Получаете, и ваш коллега везёт вас на вездеходе на побережье в посёлок Уайло. Так по легенде. На самом деле в посёлок вы не заедете, а около него, юго-западнее и не ввиду посёлка, а на границе с ледником сразу поставите палатку, которую невозможно разглядеть ни с земли, ни с воздуха.

Сейчас я не могу сказать, в какой день это произойдёт, но он сообщит, что вы на старте. В назначенный день и час (а это должно быть в 15:00 – вечером перед сумерками это наиболее выгодно) там вдоль границы СССР пролетят два наших самолёта, к ним навстречу обязательно вылетят два американских истребителя-перехватчика. Вы это будете видеть и слышать – аэродром рядом. Как только сядут на аэродром американские истребителя, сразу выполнят полёт ещё три наших истребителя и снова вылетят им навстречу два или три американских самолёта. Когда они уйдут на посадку, то через полчаса вылетят ещё два наших истребителя. И вот, когда американские самолёты будут возвращаться и садиться на аэродром, вот тут вы должны стартовать.

Самолётов американских больше не будет. Они не будут

ещё готовы к взлёту, если вас обнаружат радары. Вы сможете перелететь пролив за двадцатьпять-тридцать минут (зависит от направления и силы ветра). Он почти весь будет во льду, только полоса воды шириной около километра сейчас. Топлива хватит, чтобы преодолеть это расстояние. На нашем берегу на льду вас будут встречать две собачьи упряжки и два человека. Направление движения на аппаратах вам надо держать на остров Ратманов. Хорошо, если вы до него долетите. Слева, южнее остров Святого Лаврентия американский, там имеются вертолёт и мощный радар. Такую маленькую цель они вряд ли засекут. Биологическая масса больше, чем сам аппарат. Аппараты вы бросите, если сможете в воду. Если это сложно, то заберёте с собой. Собакам с ними тяжелее, конечно, будет.

На следующий день меня отвезли в знакомый тренировочный городок, поселили в том же домике. Вскоре привезли и Елену Павловну – её поселили в соседнюю комнату. Через полтора часа, после приветствий и совместного завтрака, начались занятия с аппаратами. Теория, устройство: – Два реактивных двигателя и семь сопел крепятся на разборной раме (титановые трубочки); большой двигатель и большое центральное сопло, и четыре боковых внизу под площадкой, на которой стоит человек, а маленький двигатель и два сопла, слегка развёрнутых друг относительно друга, расположены на уровне плеч. Баллончик со сжатым воздухом для продувки топливных патрубков и сопел. С помощью

центрального сопла выполняется подъём вертикально (можно до двух километров подняться), а с помощью боковых нижних и спинных сопел можно лететь горизонтально, но тело при этом должно находиться вертикально и лететь надо лицом вперёд. Скорость не велика – пятьдесят-шестьдесят километров в час. При большей скорости может произойти завал вбок и ... на землю. Бак с метиловым спиртом ёмкостью двадцать литров – хватает на один час работы.

Итак, (молча, про себя повторяю основные пункты) сразу за плечами малый двигатель и два сопла, чуть ниже бак с горючим, на разборных штангах под ногами двигатель и центральное сопло, чуть выше его четыре малых на четыре стороны (струи от этих сопел удерживают аппарат с человеком в вертикальном положении, а при движении вперёд два сопла получают дополнительное количество газовой струи; имеется чувствительный датчик вертикальности, соединённый с малым двигателем, что позволяет под-правлять ошибки пилота); на раме выше бака с горючим расположен малый двигатель и два сопла для горизонтального полёта.

Здесь же в помещении стали учиться пристёгивать его на себя, вхолостую нажимали на кнопки, рукоятки, потом нас поднимали на стропах на один метр, чтобы мы почувствовали свободное парение. После обеда перешли на огороженную со всех сторон площадку. Инструктор на земле показывал, как вынимается из ящика и собирается аппарат, как заправляется бак, как запускается двигатель. Затем он встал

на площадку, закрепил на себе лямки и запустил двигатель. Сначала продувка всей топливной системы и сопел сжатым воздухом, затем впуск топлива в камеру сгорания, затем поджиг топлива электрической искрой от аккумулятора в камере.

Ровный, не очень сильный гул, инструктор плавно двигает рукоятку, гул и пламя внизу усиливаются и аппарат приподнимается над землёй, завис на высоте полуметра. Потом он запускает малый двигатель и аппарат сразу начинает двигаться вперёд. Другой рукояткой он увеличивает подачу топлива и скорость возрастает. Но площадка небольшая, только для демонстрации начала движения.

Закончив демонстрацию, он показывает на другой ящик с аппаратом и предлагает начать собирать. В этот день мы дважды собирали и упаковывали аппарат. Вечером у нас был урок американского языка.

На следующий день распаковкой и сборкой мы занимались поодиночке. Два раза каждый. Затем третья сборка и первая попытка запустить двигатель и подняться в воздух. Откровенно говоря, поджилки тряслись. В прямом смысле – вибрация конструкции. Елена справлялась не хуже меня, а потихоньку двигаться на высоте один метр начала раньше меня – так пожелал инструктор. Очень неустойчивая система в воздухе, чуть излишне увеличил или недодал газа, то сразу или лицом вперёд или на спину опрокидываешься, но автоматика вертикальности не даёт упасть. Надо прочув-

ствовать эти завалы и научиться плавно и точно подавать газ в малом двигателе. Рукоятка движения «вперёд» воздействует сразу и на газ малого двигателя и на подачу реактивной струи в нижние два малых сопла и надо, чтобы все четыре тяги были равны. Две тяги-струи в верхних соплах и две в нижних. Как говорит инструктор, на больших расходах топлива, на скоростях 20-50 километров в час устойчивость гораздо лучше. Главное правильно, плавно перейти в режим большой тяги. Не спешить выходить на скорость. Скорость хорошо чувствуется лицом от потока воздуха – легко отличить 10 от 20, 40 от 50 километров в час. В тёплую, безветренную погоду можно летать без очков, а вот зимой, да и осенью, когда температура +10 и ниже – тогда обязательно нужны защитные очки.

Три дня тренировались в малом ангаре, а затем нас вывезли на аэродром, на простор. Настало время научиться летать на скорости 50 – 60 км/час. Сначала поднимались только вертикально на высоту до ста метров, чтобы не бояться высоты. Поднимались, опускались, заправляли горючим баки. Затем на высоте три метра начали разгоняться до 10, 20, 30 км/час. Этим занимались ещё три дня. На четвёртый день с утра разрешили летать со скоростью 50 км/час. Получилось. Во второй половине дня показательный полёт руководству – сдача экзамена. Получилось. Отдых два дня, но с американским языком и вождением американского автомобиля по пересечённой местности. Песок и камни, как в штате

Аризона.

– Ну, вот, сейчас вы, в основном, готовы: – говорит Иван Петрович, – Освоились с аппаратурой, вездеходом, сдружились. Документы ваши готовы, изучайте карту Америки, штатов Аризона, Калифорния и Аляска. Ещё два дня и вперёд и вверх.

Изучение карт проходило дома и я, естественно, усиленно стремился получить Звезду Героя Социалистическо-го труда. Этим мы занимались практически с первого вечера. А что, дело молодое, ведь то чему нас учили это для молодых людей.

Время подготовки пролетело быстро и вот уже девятое августа. Если всё пройдёт по плану, то к началу созревания самого раннего винограда я буду дома.

Через два дня нас проводили в аэропорт Шереметьево и начался мой первый полёт в США. Напряжёнка подготовительных работ отошла и мы безмятежно спали оба. Она уютно положила мне голову на плечо и тихо сопела. Когда подошло время приёма пищи я не стал будить её и не стал брать подносы с питанием. Лучше спокойно поспать. Но второй приём пищи я не пропустил и разбудил своего руководителя. Никаких протестов, капризов не было – всё было принято правильно. Так и надо.

В аэропорту Нью-Йорка нас никто не встречал. Мы сами сориентировались в расписании и купили билет до Фи-никса. Там нас тоже никто не встречал. На такси доехали до цен-

тра города и устроились в средне-скромной гостинице.

Аэрошкола, естественно, была на окраине города при аэродроме. Приехали мы на такси и отпустили его – ждать нас не нужно, мы долго здесь будем. Заглянули в кабинет директора – рыжеволосый на месте, но там находились два молодых человека. Вскоре они вышли и зашли мы представиться. Все заученные слова я произнёс в нужной последовательности и тональности. От меня фальши не звучало, также как и от него, когда он «искренне» удивился, как меня в детстве обманули со словом «ветролёт».

Время около одиннадцати часов и он пригласил нас на ланч в ближайшее кафе. Посадил нас в свою машину и начал крутить по городу, рассказывая и показывая, то что нам вскоре пригодится. Вот дорога, выходящая из города по которой нам предстоит вскоре ехать самостоятельно; вот ателье проката автомобилей – здесь вы возьмёте «Лен Круизер» с большим багажником; во-о-н там дом с большим гаражом, там вы получите два аппарата и загрузите в свою машину. Дату и время назначу завтра. Вы снова придёте ко мне, как бы на первое занятие.

На следующее утро мы побывали в фирме по прокату автомобилей, придирчиво выбирали и остановились на вездеходе «Ленд Круизер» с большим багажником. Заплатили за две недели вперёд наличными, что весьма понравилось менеджеру. На нём приехали в авиашколу. «Рыжий» одобрил выбор и повёл на поле аэродрома, где стояли два вертолёта.

Показывал всё снаружи и изнутри и пояснял когда и куда мы должны приехать за аппаратами.

– Завтра день у вас свободный. Знакомство с местностью, а ночью, в двадцать три часа, нужно приехать в тот большой гараж, который я показывал.

Дал крупную карту двух нужных нам штатов. Расстояние от города до карьера около десяти километров, завтра утром надо будет съездит туда, осмотреться, чтобы после-завтра не опоздать.

Рано утром, заправившись до отказа бензином, мы выехали из города. Как красиво нарисовано на бумаге и как всё это отличается от реальной местности. Оказывается, тут растут деревья, кустарники за которыми ничего не видать. Дорога к карьере давным-давно заброшена и почти сравнялась с местностью, так как всюду камень и песок. С трудом нашли, а как тут ночью найдёшь. Карьер это котлован, вырытый под горой, по краям уже выросли большие кусты и трава, в котловане имеются несколько тупичков,

ниш, в которых можно спрятать большие ящики. Выбрали нишу, подготовили её – убрали несколько камней, подтащили ещё камней, срубили несколько веток кустарника и положили в том месте.

Сейчас надо очень внимательно проехать обратно с остановками и обзором местности, чтобы завтра в сумерках не заблудиться.

К десяти часам мы вернулись в гостиницу. Ланч в ресто-

ране гостиницы, затем по карте изучали дороги, по которым предстоит ехать на побережье Тихого океана. Затем обед, потом спали до самого ужина. На ужин выехали в город, в ближайший ресторан. Очень не спеша, затягивая время, поужинали и поехали в гостиницу сделать расчёт и пора ехать в ГАРАЖ.

Стемнело, когда мы отъехали от гостиницы. Покружив по городу, подъезжаем к дому с гаражом. «Рыжий» поджидает нас, открывает ворота ограды, закрывает за нами, открывает гараж (гараж рассчитан на четыре машины, не меньше) и я аккуратно въезжаю. В гараже стоит одна машина, маленький грузовичок с фургоном.

Не теряя время, он скидывает брезент с кучи хлама в углу, вытаскивает два ящика и мы загружаем их в нашу машину. Выдаёт нам новые документы (американские) – Джон Карпеттер и Карина Карпеттер, старые сжигаем, что-то ещё, какую-то небольшую коробочку даёт Елене (Карине) и та прячет её в боковом кармане куртки.

– Вы прямо сейчас езжайте в карьер и там спите, я подъеду через четыре часа. Там, на месте я кое-что поясню вам.

Мы выехали и через сорок минут были в карьере. Развернулись передом к выезду, но встали под обрывом, за уступом, чтобы не было видно с дороги. Надо ждать, можно спать целых четыре часа. Но не спится обоим. Слушали радио, пытались дремать, пили кофе из термоса, жевали бутерброды. Наконец слышим – едет машина. «Рыжий» приехал на том

самом грузовичке.

Вывел нас из карьера, а вокруг темнота, ночь безлунная, только звёзды яркие и силуэты холмов. Начал рассказывать, что: – Опытные полёты начинаются в девять утра. Аэродром в восьми километрах к югу, взлётная полоса нацелена на северо-восток и курс взлёта проходит вон там, левее – видите силуэт наиболее высокой горы. Вот там он будет пролетать. Летит обычно над самой горой, а я нахожусь за гребнем горы у самой вершины и до самолёта уже недалеко. Там у меня ракета и маленький мотоцикл спрятаны. Падать самолёт будет по ходу полёта и по расчётам упадёт в двух километрах от меня, а от вас в трёх километрах. К девяти часам аппараты должны быть готовы, один наблюдает за небом. Полёт возможно, увидите и услышите, взрыв точно услышите и увидите дым с места падения. Топливо взорвётся, топлива много будет сразу после взлёта. Как только засекёте место падения – сразу летите туда. Я туда приеду на мотоцикле. Важно следующее: – если с кем-то из вас что-то случится, авария с аппаратом, например, то второй, не дожидаясь, летит сюда и уезжает по плану отхода. Хотя бы один наверняка должен вынести образец. Образцы скотчем прикрепляйте к талии, к спине под куртку. А если меня не будет, то постарайтесь взять кусок обшивки сами, любой кусок, любого размера, вот вам «болгарка» на всякий случай. И отходите по плану, до Анкориджа. Меня не ищите в этом случае. Уходить нужно будет срочно, быстро, так как поисковые верто-

лёты возможны. Ну, вот и всё. До встречи у самолёта.

За полчаса до намеченного времени мы начали собирать аппараты. Успели, и вот оба слышим слабый гул с юга. Через две минуты над вершиной горы блеснуло, потом долетел другой звук, а через минуту видим сначала чёрный дым, а затем и рокот взрыва. Определили направление, сразу, заранее выставили положение аппаратов в нужную сторону и встали на площадки своих агрегатов, закрепились, запустили двигатели и осторожно поднялись над карьером, начали разгоняться. Вскоре видим дым и обломки самолёта. Корпус в основном целый, имеются большие части крыльев, но всё горит. Слева увидели тёмное движущееся пятно – решили надеяться, что это «Рыжий». Приземлились в тридцати метрах от ближайшего обломка.

Мелких кусков нет – надо резать «болгаркой». Достаю её, а тут и «Рыжий» подъехал, но он не стал резать и мне сказал, чтобы я не спешил с резкой, а стал бегать вокруг ища мелкие осколки. Резать – это сразу становится понятным, для чего завалили самолёт, а осколок взять, то тогда не сразу понятно из-за чего крушение. Надо же – нашёл кусок обшивки корпуса. Вот этот кусок мы и разрезали на три части. Два куска мы с Леной привязали к себе, а третий кусок забрал «Рыжий».

Бегом к аппаратам, разворачиваем их в направлении карьера, закрепляемся, запускаем двигатели. «Рыжий» садится на мотоцикл и машет нам рукой. Через десять минут мы подлетаем. Неприятность!! – недалеко от въезда в карьер

стоит легковая машина, а в карьере около нашей машины человек. Что делать? Лена кивает головой, машет рукой – садимся.

Приземлились, освободились от креплений. Человек с изумлённым лицом приближается к нам. Наши костюмы не марсианские, но и не в белых рубашечках с бабочкой, а в костюмах туристов цвета хаки. Издали можно принять за военных.

– Что, приятель, уставился на нас. У нас учения – слышал взрывы, видишь дым? Условный противник уничтожен. – Это горю я, а Лена заходит к нему за спину.

– А я тут частенько камни собираю полудрагоценные.

Лена это слышала, но что-то достаёт из кармана и направила ему в шею. Лёгкий щелчок и наш приятель мешком валится на землю.

– Через четыре-пять часов он очухается, но не поймёт, что с ним было и нас помнить не будет. Я думаю, что его надо на его же машине отвезти куда-нибудь подальше. Ты садись в нашу машину, а я повезу его и оставим по дороге. А сейчас срочно упаковываемся, прячем ящики.

Запрятали, выехали из карьера. У «приятеля» вытащили из шеи иглу, использованную иглу глубоко закопали в стороне, а его потащили в машину. Уложили на заднее сиденье. Вернулись к карьере, убрали все следы пребывания. Лена, перед тем как сесть за руль машины «приятеля», убирает с сиденья и прячет себе в карман несколько камней, подо-

бранных «приятелем», а я сажусь в свою. Двигаемся в сторону Финикса. Не доезжая до города два километра въехали на автостраду и повернули налево, в сторону Тихого океана. Ехать нам четыреста километров через Риверсайд на Лос-Анджелес.

Дорога сильно холмистая, много гор. Это хорошо – легче скрывать свои намерения. Машин на дороге мало. Через сорок километров Лена обгоняет меня и вскоре сворачивает налево в горы. Дорога просёлочная, мало езженная, наверное, тоже к карьере какому-нибудь. Ещё через два километра появляются густые кусты и она въезжает в них. Полностью скрылась. Заглушила мотор, выходит и пересаживается ко мне. Я разворачиваюсь и мы снова на автостраде. – Ничего страшного с ним не будет – разберётся, где он находится. А вот – как он там очутился – ни в жизнь не поймёт. Вот будет ему загадка на всю оставшуюся жизнь

Через сто километров город Риверсайд. Заезжаем на первую же мойку, затем едем через весь город и на выезде из него в последней забегаловке намереваемся перекусить. Остановились, заходим. Здесь самообслуживание.

Брать почти нечего. На стойке кофеварка, куча разных бутербродов и всё, не считая выставку спиртных напитков, но нам их не надо. На стойке стоит радиоприёмник, звучит музыка и затем передают новости. Я этого не слышу, не замечаю, я ещё не отошёл от дороги, от вождения. У меня первая такая длительная поездка в качестве водителя по США ...

и вообще.

Принесли себе кофе по три бутерброда, сели за столик и тут Лена говорит: – Сообщают о крушении самолёта, называют место падения. Говорят ошибка пилота при испытании нового самолёта.

Тут я оглядываюсь и вижу, что бармен с интересом смотрит на нас.

– Эй, уважаемые, вы же едете оттуда, из Финикса. У вас номера Финикса. Вы там не видели, не слышали ничего о крушении. Это где-то недалеко.

– Нет, ничего не заметили и радио не включали.

Вот ч-чёрт, номера ... надо было сменить. Возможно, что это совершенно излишнее волнение – случайный бармен, случайный вопрос.

Следующие двести пятьдесят километров прошли без приключений. Остановились у отеля, который нам рекомендовал «Рыжий», оставили на стоянке машину, прошли два квартала, взяли такси и поехали в порт. Машину заберёт и вернёт «Рыжий» или кто там ещё...

Теплоход уходит сегодня по расписанию через шесть часов, в двадцать три часа. Взяли билеты в первом классе и пошли покупать тёплые вещи, пока не закрылись магазины. Успели. Взяли всё необходимое: свитеры, пуловеры, фланелевые рубашки, тёплые спортивные костюмы, тёплые ботинки, куртки, шапочки вязаные – нас ждёт полярный круг. Затем с сумками идём в припортовый ресторан и этому здесь

никто не удивляется. Сидим до самой посадки. Когда подошли, то оказались где-то в середине очереди. Хорошо. Ещё более хорошо то, что рамки металлоискателей отключены (как говорил «Рыжий» – они всегда отключены – это не аэропорты), а то не знаю, что было бы. Только на это и был расчёт.

Заняли свою двухместную каюту, дождались отхода, послушали приветствие и поздравление капитана, приняли душ и спать. Мы оба не плавали на больших морских кораблях.

Теплоход небольшой, но быстроходный (до 33 узлов), двухпалубный, имеется ресторан с барной стойкой, небольшое пространство для желающих танцевать, кинозал. Расчётное время в пути пять с половиной суток с заходом в Сан-Франциско, Виктория и Принс-Руперт (Канада).

Эта Северная Америк хорошо устроилась в жизни: – на Атлантическом побережье её омывает тёплое течение Гольфстрим, текущее из тропиков к Северному Ледовитому океану, на западном побережье в Тихом океане также имеется тропическое течение, омывающее США и Канаду до южного побережья Аляски, затем оно идёт уже охлажденное к Камчатке и далее на юг холодным течением Курасиво. То есть Чукотку, Камчатку, Сахалин, все дальневосточные земли СССР омывает холодное течение. Поэтому наши севера холодные, а американские более пригодны для растений и животных. Климат южной части Аляски довольно тёплый – в январе – 10°C, а в июле не по летнему (не как в Лос-Ан-

джелесе) +10+18. Зато в центральной части полуострова, за горными хребтами суровой полярный климат с морозами до -62.

Выехали из Лос-Анджелеса в середине августа и было +35, через четыре дня будем в водах Аляски и будет +15, а то и ещё холоднее – к сентябрю дело идёт.

Часто бывать на людях у нас по известным причинам не было желания, поэтому мы чаще смотрели кино. Выходили, естественно, на верхнюю палубу, но рано утром, встречали всходящее солнце, когда пассажиры ещё спали, а потом провожали заходящее солнце, в сумерках.

В ресторане знакомств не заводили, но, тем не менее, на третий день, в обед к нашему столику подошёл полненький, лысоватенький человек лет сорока пяти, слегка выпивший и на правильном русском языке говорит:

– Здоровеньки булы! Мне кажется, что мы с вами уже встречались.

Лена ему на английском отвечает: – Всё возможно, например, в Лос-Анджелесе в припортовом ресторане.

Тот: – Н-е-е-т, в Нью-Йорке, в аэропорту. Мне кажется, что мы летели в одном самолёте из России. Кстати, – будем знакомы, – Александр Григорьевич – будущий министр будущего правительства Украины.

Ё-моё, вот случайность, которая губит многих. Нам нельзя подтверждать его слова – ведь мы «граждане США».

Лена: – Вы русский?

Александр Григорьевич: – нет, украинец.

Лена: – а я считала, что нет разницы – русский или украинец.

– Ну, что вы, мы разные народы, у нас разный язык. Те агрессоры, воинственные, а мы люди мирные, но своего не упустим. Многие очень не любят москвитов, а я особенно. Я готов их везде и всегда ... на гиляку. Гиляка по-украински – это сук.

Лена: – похожих людей в мире очень много, есть прямо-таки копии абсолютные. А вы куда едете?

– Я еду в Канаду. Завтра выхожу в порту Виктория. Там большая диаспора украинцев. Я специально такой длинный маршрут выбрал – захотел посмотреть и Америку, и Тихий океан почувствовать. Деньги диаспора собрала и оплачивает мой приезд.

Лена: – Я знаю немного русский язык, я изучала его, так как в моей, в нашей с мужем работе мы часто сталкиваемся на симпозиумах, на зимовках в Антарктиде с коллегами из России. Мы гляциологи, едем на Аляску.

После этих её слов он сходил к своему столику, принёс рюмку чего-то белого, выпил, закашлялся, отвернулся и стал сморкаться, а Лена шепнула: – уведи его в бар, напои; на немецко-английском мучай его, имя своё выдумай другое.

Тут и я заговорил, коверкая русские слова на английский манер: – рад познакомиться – Дональд. Пойдём в бар, выпьем за знакомство. Я угощаю.

Лена: – А я тут закажу ещё чего-нибудь. Мы угощаем.

Магические слова для хохлов – «я (мы) тебя угощаем» – подействовали мгновенно и он вслед за мной поднялся со стула. Там я заказал две порции виски.

– Мы по делам, а также в гости, и посмотреть северное сияние. Там у нас друг живёт, давно приглашал.

– Это хорошо, что есть друг. Давай выпьем за дружбу – Америка-Украина сёстры.

Выпили, я заказал ещё по одной порции.

– Америка нам поможет. Давай выпьем за вас, за Америку.

– А в чём помощь вам нужна? В каком деле? Чем надо помочь?

– Главное дело – избавиться от России. Напустить на неё порчу, а лучше – вообще уничтожить. Ну, а самое главное – деньги нужны. Много денег. Мы пока плохо живём – ни кондиционеров, ни контрацептивов приличных, ни кружевных трусиков, только вышиванки, да шаровары из льна. Ещё есть у нас автомобиль «Запорожец». – Язык у него уже заплетался.

Тут я краем глаза вижу, что официант ставит на нашем столике какие-то тарелки, фужеры, а Лена машет рукой – подходите.

Я говорю: – пойдём к столу, надо закусить хорошенько.

С трудом хохло-министр сполз с табурета, а я, поддерживая его, повёл к столику. Тот уселся, взял стакан с мине-

ральной водой и выпил весь без остановки. Видно, что стало ему лучше. И тут он заметил в своей тарелке огромный бифштекс. (Как потом сказала Лена – она заказала особый бифштекс – по размерам в два раза больше обычного).

– Вот это Америка! Таких больших котлет я никогда не видел. – Воткнул в него вилку и впился зубами. Сок потёк по подбородку, под рубашку и жирное пятно начало растекаться изнутри. – Неужели и в Канаде вот так же кормят?!

– Да, конечно, вы приехали в Америку. США и Канада – это почти одно и то же. Давайте выпьем за знакомство с настоящей Америкой и с лучшим представителем Украины. – Это Елена изощрялась.

Она взяла свой бокал с красным вином, мне подвинула (строго, точно, безоговорочно) такой же и нашему новому другу его бокал с красным вином. Я понял – бокалы перепутывать нельзя, пить на брудершафт нельзя. Поэтому, не задерживаясь, выпил и стал подталкивать к этому действию будущего министра.

– Какой пост в министерстве вам уготован?

– Экономика, финансы, планирование экономики. Я всё могу. – И выпил.

Замечаю – Елена заметно расслабилась, удовлетворённая.

Будущий министр экономического развития Украины взял в горсть жареного картофеля и засунул в рот. Вилку держать он уже не мог. Голова ещё жевала, но стала всё ниже клониться к груди.

Лена подозвала официанта и попросила отвести нашего друга в свою каюту. – Перепил. Слабоват мужчина на халяву. Тут подошли два стюарда и повели его. Они знали его номер.

Мы посидели подольше, чтобы этот инцидент сгладился в глазах окружающих. Через час в каюте на мой молчаливый вопрос Лена сказала: – Средство, усиливающее алкогольное опьянение. На некоторых действует так, что два-три дня они пьяные и в безпамятстве, а могут и копыта протянуть от сердечной недостаточности.

На следующий день в полдень теплоход пришвартовался в Виктории. Несколько человек пошли на выход. Вдруг возник какой-то переполох, два стюарда побежали куда-то, а через десять минут видим – они несут на носилках тело хохло-министра. Третий стюард нёс три его чемодана. Четвёртым был, как потом выяснилось, медик с теплохода.

– Жив, но страшно пьян. Надо бы сразу медика, что-то хрипит нехорошо.

Только они спустили по трапу носилки и поставили, как подошли двое в халатах салатного цвета с маленькими чемоданчиками и наклонились над телом. Потом один достал из чемоданчика шприц, ампулу с чем-то. Вкололи в руку. Носилки понесли в помещение.

По трапу стали всходить на теплоход новые пассажиры. Последним вбежал на борт медик и трап стали затаскивать на место.

Потом, в ресторане во время ужина у барной стойки были

слышны слова бармена: – Страшно перепил – здесь пил, там пил, у себя в каюте пил вот и не выдержало сердце. Нельзя же так пить. Мэру не знают эти русские свиньи.

– Ты знала, что так кончится, – спросил я у Елены.

– Знала, конечно, – это моя специализация – устранять препятствия. Опасно было его оставлять.

Я молча согласился. Полностью согласился, но молча. Возник вопрос: – А я какую представляю опасность?

Оставшийся путь прошёл спокойно. Заметно похолодало и мы надели все тёплые вещи. К конечной пристани мы подошли в десять тридцать. На причале было много встречающих. Капитан по корабельному радио попрощался с пассажирами и пожелал новой встречи на этом же теплоходе.

Вещей у нас было мало, поэтому мы легко и непринуждённо шли по трапу и имели возможность рассматривать встречающих. Хотелось угадать – кто встречает?

В зоне встречи толпа, смех, восторженные восклицания, поцелуйчики.

Интересно, поцелуют ли нас?

Не поцеловали. Но двое налетели на нас с хорошо разыгранным счастливым ожиданием. Молодой мужчина и его жена с возгласами: – Карина! Джон! Ну, наконец-то, заждались мы вас! Не замёрзли после жаркого Техаса? Ничего, не дадим замёрзнуть, сейчас мы вас напоим горячим шоколадом, глинтвейном, тюленьим жиром!

И потом шёпотом – называйте нас – Питер и Сьюзи.

– Давайте ваши вещи и поехали. И это всё, что вы имеете, а приборы?

– Приборы летят отдельным багажом.

Вышли с территории порта и пошли к автостоянке. Нас ждал шестиместный вездеход в полярном исполнении – широкие шины, утепленные борта, крыша, пол.

– До дома доедем за полчаса, нынче погода радует. А вот уже завтра-послезавтра дают прогноз на похолодание и ветер восточный, с ледников.

– Это нам весьма ведомо, так как мы гляциологи. Чем больше холода, тем больше льда, тем больше нам платят денег за работу.

– Ха-ха-ха, ну вы и оптимисты-юмористы. По мне –лучше бы он весь исчез завтра же.

Одноэтажный дом с круглой крышей (лучшая устойчивость крыш от ветров), четыре комнаты, туалет, ванна, кухня, большая кладовая. Одна комната приготовлена для нас.

Улучшив момент, Питер говорит: – Сьюзи не знает ничего о моей деятельности, возможно, догадывается, но виду не подаёт и ничего не спрашивает. Поэтому при ней полная конспирация. При ней можно «вспоминать» Антарктиду 1976-1980 годов, тогда я бывал там. На международных конференциях я бывал в 1978 (Торонто) и в 1981 (Давос). Я действительно гляциолог. Пишу научный труд по ледникам Гренландии и Антарктиды.

Расположились, умылись и нас пригласили на обед. Обед

домашний – не в ресторан. Непривычные запахи и вид.

– Я приготовила мясо тюленьё и языки олени – это местное, сырный стейк – это с моей родины и пиццу белую – это с родины Питера. Так что всё чисто американское. Прошу отведать.

– А пить мы будем виски шотландское, для дам вино красное полусладкое калифорнийское виноградное. Здесь с алкоголем напряжёнка. Во многих посёлках сухой закон, а то все спиваются быстро. Холодно и потому хочется выпить и т.д.

– Значит, к месту я прихватил пару былей водки русской. Будете?

– Обязательно.

Выпили, закусили оленьим языком. Превосходная вещь – нежнейшее мясо.

Начались воспоминания о зимовке в Антарктиде, об особенностях, кристалличности разных ледников, о скоростях их нарастания, таяния, движения-скольжения. Вечер скользил в правильном направлении. Даже тюленьё мясо с китовым жиром пошло на ура. Пицца оказалась с моллюсками-креветками и это как-то безвкусно; сырный стейк – это булочка разрезанная, а внутри рубленая обжаренная говядина, жареный лук, красный перец и сыр. Довольно вкусно и сытно, особенно, когда ты сильно голоден. Спать легли полутруппами.

Встали поздно, но с ясными головами. – Это тюленьё мя-

со и жир китовый хорошо нейтрализуют яды алкогольные. – Говорит Питер. – Сейчас поправим здоровье крепким кофе и поедем смотреть город, горы.

Машина его – любимый местными Dodge Charger с полным приводом и с лебёдкой впереди. Ему гляциологу для поездок в горы к ледникам это крайне необходимо – там всюду бездорожье – как в России. А в городе отличный асфальт, такой же асфальт имеется и в некоторых других городках и посёлках, но между городами гравийные дороги, только одно шоссе асфальтировано, оно идёт от Анкориджа на север до середины Аляски.

Поехали в аэропорт, в грузовое отделение. Посылка прибыла вчера, поэтому платить за хранение не пришлось.

По пути купили одну 10-литровую канистру метилового спирта, а надо всего четыре таких. Чтобы не привлекать внимание покупать будем в разных местах. Зашли в охотничий магазин покупать сухое горючее, фонарики, маленькие рюкзаки, тёплые брюки и куртки защитного серого цвета. Здесь я увидел белый маскировочный халат для охотников и решил купить два. Пригодятся авось.

Сейчас, когда аппараты оказались в руках, когда стало понятно, что поездка на берег Берингова пролива неизбежна, Питер стал серьёзным. Это очень серьёзная поездка – говорит. По прямой 840 километров, а с разными крюками все 1000 будет, время в пути не менее двух суток. Будем готовиться. Одежда, обувь – зимний вариант. Запас бензина,

продовольствия. Послезавтра утром выезжаем. Перед самым выездом сообщу кому следует о нашем отбытии.

Вечером перед поездкой, Сьюзи накормила нас жареной неркой и приготовила шесть штук пицц с моллюсками, три килограмма вяленого тюленьего мяса и сырных стейков двенадцать штук. Взяли два литровых термоса с кофе, котелок, кружки, палатку, три спальных мешка. Походное снаряжение для них это обычное дело. Вещи (с аппаратами) заняли всё пространство, кроме наших сидений.

Выехали в шесть утра. Темнота. Специально, чтобы не было свидетелей.

Первые двести километров по асфальту по главной дороге строго на север до городка Фэрбанк проехали без проблем. На середине пути слева была видна высочайшая гора Америки Мак-Кинли 6194 метра, подсвеченная ещё невидимым солнцем; ещё через 100 километров возник Фэрбанк. Остановились в центре городка у кафе подкрепиться, размяться. Город только просыпался, кафе открылось буквально перед нашим приходом. Проехали ещё тридцать километров по асфальту и поворот налево, на запад. Далее следуют гравийные и просёлочные дороги часто такие же, как в России.

Итак, на запад на Спригс, Танана, Руби, Галина, Коюкук, Нумато, Коюк, Ном (порт, аэродром). От Нома дорога на север на полуостров Сьюард.

Весь день ехали по гравийным дорогам, проехали шесть мостов через прозрачные речки. Днём дважды останавлива-

лись в посёлках на краткий отдых. Дорога дальняя.

На ночь остановились в посёлке Коюкук. В принципе, ехать можно было, но следующий путь лучше было сделать днём. Это мы потом убедились. Ближе к океану больше дождей выпадает, дороги более размыты. Остановились в небольшом отельчике «Полярный день». Ничего, сносно для 70-ой широты. К нашему прибытию отнеслись вполне равнодушно – таких путешествующих здесь немало. Итак, в первый день проехали чуть более 500 километров. Осталось, судя по карте, 400 километров.

Выезжаем в ранних сумерках. Запас еды, что приготовила нам Сьюзи, мы не осилили и наполовину. Скорость движения заметно ниже – на самых скоростных участках не более 50 км/час. Через два часа проехали Коюк, впереди Ном. Слева иногда с бугров виден океан. В Ном приехали через час, время одиннадцать часов. До намеченной цели 300 километров. По хорошей дороге 6 часов пути, то есть к 17:00. Остаться на ночь в Номе нет смысла. Надо ехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.